

**АРИСТАРХ РИДДЕР
НИКОЛАЙ ЖИВЦОВ**

**НАСТОЯЩИЙ
АМЕРИКАНЕЦ**

2

Настоящий американец

Николай Живцов

Настоящий американец – 2

«автор»

«Автор»

2022

Живцов Н.

Настоящий американец – 2 / Н. Живцов — «автор», «Автор»,
2022 — (Настоящий американец)

Продолжение приключений нашего современника, попавшего в тело молодого американца в середину XX века.

© Живцов Н., 2022

© автор, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Аристарх Риддер, Николай Живцов

Настоящий американец – 2

Глава 1

– А ты, Фрэнк, умеешь делать шоу, – ко мне подошел Роджер Фрэнсис Фицпатрик, президент попечительского совета местного колледжа. – Даже не думал, что обычную дегустацию можно превратить во все это! – он нарочито медленно обвел взглядом бар, куда мы переместились с улицы после официальной части открытия пивоваренного завода.

Зал был обильно украшен свежими листьями пальм и гирляндами искусственных цветов. По стенам развешаны гавайские гитары, мексиканские сомбреро и прочие атрибуты пляжного отдыха. На сцене играл зажигательные мелодии оркестр, а приглашенных гостей, журналистов и потенциальных клиентов встречали кричащие баннеры и растяжки:

«Wilson`s Sunshine, глоток лета посреди Нью-Йоркской зимы. С Wilson`s Sunshine, Рождество, Ханука и Новый Год заиграют новыми красками!»

Но главной изюминкой здесь были официантки, что дефилировали по залу в босоножках на высоком каблуке и купальных костюмах. Как по мне, так вполне целомудренных. Сперва я собирался оставить их в одних трусиках, а соски припорошить блесками, за лишнюю сотню долларов девушки из кордебалета с Бродвея были согласны и на большее. Но, увы, пришлось отказаться от столь провокационной для этого пуританского времени идеи. Против беспорядков в городе предельно жестко высказался шеф полиции Мидлтауна, когда я пришел согласовывать с ним проведение мероприятия. Так что придется устраивать беспорядки в других местах. Благо тренироваться есть на ком. Сперва это будут битники, а затем и хипстеры подтянутся. И мы вместе встряхнем эту консервативную Америку, дадим ей мощный пинок в свободное от морали будущее.

– Эпатажная реклама – залог успеха, – отсалютовал я ему кружкой пива, не переставая наблюдать одним глазом за происходящим в зале.

Гости развлекались: молодежь, как ей и положено, напивалась и флиртвала. Джессика с Донной время от времени посылали мне воздушные поцелуи, сперва украдкой, а после пары кружек пива без всякого стеснения. Степенные члены общества успешно отбивались от попыток жен вытащить их из гнезда разврата. Репортеры фотографировали сексапильных девушек-официанток со всех ракурсов, не забывая при этом заливаться халявным пивом.

Если хотя бы один из редакторов разрешит опубликовать такое фото в газете, моя пивоварня прогремит на всю страну. Впрочем, зачем пускать дело на самотек? Надо взять и простимулировать прессу, она в Америке продажнее девочек из кордебалета.

– Не боишься, что республиканцы тебя после такого эпатажа с дерьмом смешают? – задал вопрос-тест на мою политическую ориентацию Роджер, имея ввиду стремительный уход мэра Миллса с супругой из бара. Увидев здесь полуголых девиц, эти двое моментально осознали в какое пагубное для рейтинга консервативного политика место они попали и тут же смылись.

– Какое дело демократу до брюзжания ретроградов из «партии слона»? – подыграл ему я, помогая кандидату в мэры затащить меня в свой лагерь.

– Значит ты демократ? – обрадовался мой собеседник тому, что долго уговаривать меня не пришлось.

– Еще какой, – в доказательство своих слов я протянул Роджеру чек на его избирательную компанию.

– Пять тысяч?! – ожидаемо удивил я этого полезного для меня олуха из «партии осла».

– Вы должны победить на выборах 1955 года. Это нужно Америке, – пафосно заявил я.

Роджера надо было убедить в том, что я для него не менее полезный олух. Он мне был нужен. Вернее, не конкретно он, а кандидат от демократов. Но повезло Фицпатрику – Роджер баллотировался на пост мэра Мидлтауна, а значит, мои деньги получит именно он, я же смогу заявить о себе как об убежденном и очень щедром демократе. В отличие от республиканцев, с демократами мне было по пути, ведь я знал, что только этим ребятам подвластно разрушить Америку изнутри. И я был готов помочь им сделать это намного быстрее.

– Отличное пиво, мистер Уилсон, – в наш разговор вклинился улыбающийся толстяк в старомодном костюме, какие носили во времена Великой депрессии. – Позвольте представиться, Гарри Дэвис, закупщик из Буффало.

– Еще увидимся, Фрэнк, – тактично откланялся Фицпатрик, не став мешать мне делать деньги. Теперь и он был в них заинтересован.

Моя презентация приносила плоды. На нее съехались люди не только из апстейта, но и из Сити, и мне уже удалось договориться о поставке пива с пятью окрестными супермаркетами и дюжиной баров. И вот новый клиент из Буффало. География точек сбыта расширилась, и это радовало. А ведь еще несколько дней назад казалось, что нас ждёт катастрофа.

За 5 дней до дегустации

– Курт, что это?

Мы с начальником отдела логистики стояли на заднем дворе моей пивоварни и недоуменно смотрели в кузов грузовика, на котором только что доставили заказанную Куртом стеклотару.

– Простите, мистер Уилсон, я не знаю, как это получилось, – растерянно пролепетал тот в ответ.

От избытка чувств только что прикуренная сигарета выпала из моего рта.

Через неделю должен состояться розлив первой тысячи галлонов лагера. Он уже сварен, охлажден до положенных тридцати трех градусов по Фаренгейту, пропущен через фильтрационную установку и центрифугу и перекачан в цех розлива. На вкус получился классический евролагер, хотя время для него еще и не пришло. Легкое пиво экстрактивностью начального сусла всего 11,5 % и содержанием алкоголя в 4,5 процентов.

Изначально я хотел что-то совсем лёгкое, не больше четырёх процентов, но вкус получался слишком водянистым. Оно и понятно, чем легче пиво, тем меньше было сухих веществ перед тем как началось брожение. Спирт в пиве – это продукт брожения, вырабатываемый дрожжами, и если этим засранцам нечего есть, они и спирта произведут мало. В итоге, оставились на 11,5 и 4,5 – это был компромисс между лёгкостью и питкостью.

В пику мне Мистер Осборн, мой главный пивовар был недоволен тем что восстановленная Wilson Brewery начала свою работу с такого нетрадиционного пива. Будучи консерватором, он хотел варить классические сорта, более тяжелые и насыщенные по вкусу. Мне даже пришлось ему напомнить, кто здесь хозяин.

Старик побурчал и смирился. Смирился он и с тем, что в состав нашего нового пива входили не только хмель, солод, вода и дрожжи, но и кукурузная патока, и рисовая мука. Это было сделано для удешевления производства, всё-таки солод стоил намного дороже чем рис, а мне требовалось создать дешёвое пиво, которое будет по карману молодежи, но при этом еще и очень питкое, пускай и с несколько необычным вкусом.

Но лишь на один новый сорт пива я ставку делать не стал. Нужно было минимизировать риски. Поэтому в остальных танках у нас варится сразу несколько сортов. Часть из них традиционная, которые Осборн варил еще тогда, когда носил на голове чёрные как смоль волосы и весил вполовину меньше, а часть совсем новые.

Например, я все-таки осуществил свою задумку, и сразу два танка мы определили под две вариации IPA. Классический, для меня понятное дело IPA, с приятной горчинкой и цитрусо-

вым послевкусием, 14 % экстрактивности и 5,5 алкоголя, и его «взрослая» версия, намного более горькая и при этом крепкая, все десять процентов, двойной IPA.

Мистер Осборн по-прежнему излучал пессимизм, но я твердо знал, что уже скоро увлечение IPA захлестнет крафтовые пивоварни Соединённых Штатов Америки, и я вполне могу стать пионером этой волны. А кто первый встал, того и тапки.

Ну и кроме этого два танка были заняты совершенно ординарным крепким портером, или, по-другому, стаутом. Его я хотел использовать как основу для моего рождественского сюрприза «родному» Мидлтауну.

И все мои грандиозные планы могли полететь из-за этих чертовых бутылок, на которые я сейчас пялился, мечтая отработать на Курте пару ударов.

– Объясни, как так получилось, что вместо amber, коричневых бутылок объёмом в 16 унций нам привезли прозрачные объёмом в 12? Давай, Курт, я жду!

На плечи щегольского пальто Курта и его непокрытую голову падал лёгкий снежок, а его лицо покраснело от декабрьского морозца и работы мысли.

Пока он соображал, как отвести от себя беду, я вытащил из пачки очередную сигарету и для успокоения затянулся.

Только чудаки на букву М разливают пиво в прозрачные бутылки. Они совершенно не годятся для этих целей, и дело не только в традициях, пиво боится яркого света, под ним оно начинает окисляться и стремительно терять вкусовые качества. Поэтому есть стандарт – бутылка должна быть коричневой или зелёной.

Наконец, Курт опомнился и с решительным видом направился к водителю-экспедитору сверять документы. Вот только по результатам переговоров он заимел еще более бледный вид.

– Мистер Уилсон, дело плохо, – Курт сжимал в руках бумаги, уже виденную мной товарную накладную и так и не подписанный акт приемки товара – прозрачных бутылок объёмом в двенадцать унций.

– И когда нам привезут правильную тару? – спросил я, подразумевая задержку в пару дней. Но полученный ответ меня обескуражил.

– В следующем году. У поставщика нет нужных нам бутылок. Они предлагают скидку в пятьдесят процентов на то, что привезли.

– Иди обзванивай стекольные заводы! Быстро! – я раздраженно бросил в урну недокуренную сигарету. – Нам нужны эти бутылки сегодня, край завтра!

Курт затравленно кивнул, не смея перечить, и рванул к своему служебному телефону.

Я смотрел ему вслед и прикуривал новую сигарету. Вот это засада, у нас дегустация для потенциальных покупателей на носу. Ладно, её мы проведем и без тары, это не проблема. Но как быть с контрактами? Ведь наверняка пиво понравится и его захотят поставить на полки магазинов и продавать в окрестных барах. Впереди Рождество с Новым годом – отличное время для старта продаж. Да и в местной газете уже анонсирован новый сорт пива от Уилсона. Облагаться сейчас – это большое такое пятно как на репутации моего завода, так и на мне лично.

К себе в кабинет я вернулся в расстроенных чувствах. Нужно было подписать зарплатные чеки сотрудникам. Отец Фрэнка всегда подписывал их сам, вот я и решил превратить это в традицию. Пусть мои люди наглядно видят, кто им платит зарплату.

Обстановку кабинета я большей частью не трогал, не до этого пока было. Поменял только стол. Выцепил я этот дубовый антиквариат на традиционном развлечении всех американцев – гаражной распродаже.

Зима в Мидлтауне в этом году выдалась переменчивая. Снегопады, заставлявшие вспомнить о России, вдруг сменялись отличными солнечными деньками, а на место морозов то и дело приходили оттепели. Вот в один из таких погожих солнечных деньков я возвращался к себе домой, в резиденцию Уилсонов, как прозвали мой особняк местные, и увидел в самом начале улицы написанное от руки объявление «YardSale» – гаражная распродажа. Обычно я

их игнорировал, а тут зачем-то остановился и вышел из своего Корвета. И сразу увидел его – потемневший от времени, внушительного размера дубовый письменный стол, прямо как стол «Резолют».

Цена оказалась немаленькой – хозяйка, дородная дама раза в два меня старше, запросила сто пятьдесят долларов. Я уже хотел послать ее куда подальше, но это желание сразу же пропало, как только мне показали сертификат и чек на покупку. Выяснилось, что стол купил её прадедушка в далеком тысяча восемьсот сороковом году.

– Надо брать! – мысленно возликовал я, прикинув, что лет через пятьдесят стоимость этого антиквариата вырастет до семизначного значения.

Свою восторженность я, разумеется, афишировать не стал, более того, мне даже удалось выторговать скидку в тридцать долларов. Так что покупка стола на распродаже стала для меня отличной инвестицией.

От медитативного занятия – выписывания чеков сотрудникам пивоварни меня оторвал ворвавшийся в кабинет Курт.

– Нет ничего! Всё раскуплено или заказано и уже оплачено, – обрадовал он меня с порога.

Пробуравив злого вестника недобрый взглядом, я отложил чековую книжку. Но не для того, чтобы орать и брызгать слюной. Это все равно не помогло бы делу. Нужно было искать выход из скверной ситуации, и я начал перебирать в уме варианты.

– Значит так, – мой мозг, наконец, кое-что родил. – Первое, соглашайся на эти прозрачные бутылки. Второе, достань мне не меньше пятисот фунтов аскорбиновой кислоты и пятьдесят фунтов лайма. Где хочешь ищи, но чтобы по пять фунтов и того и другого доставил уже через два часа! От этого зависит будешь ты завтра на меня работать или тебе придется искать новое место. Понял?

– Да, мистер Уилсон, я постараюсь! – голос Курта дрогнул.

– Не старайся, а делай! Всё, свободен!

Моя стимуляция оказалась действенной. Все запрошенное прибыло на пивоварню уже через три часа. Теперь пришла очередь подключать к процессу мистера Дюбуа, менеджера отдела контроля качества, которого мне удалось сманить аж из Канады, предложив просто фантастическую для этих времен заработную плату. Но он того стоил. Благодаря этому франкофону удалось внедрить хоть какие-то правила и стандарты по качеству на моем заводе.

Ни простые работники, ни даже мой главный пивовар, просто не понимали, что от того какие химикаты используются для мойки и дезинфекции производственных линий напрямую зависит качество пива. Пришлось устраивать показательные выступления с посевом различных смывов в чашки Петри и только после этого все увидели какие «милые друзья человека» могут завестись в танках и трубах, если выполнять свою работу спустя рукава.

Вид окутанных плесенью чашек с агар-агаром произвел неизгладимое впечатление на всех. А еще больше мои сотрудники шокировались тем фактом, что сваренное пиво по новым стандартам качества хранится не три недели, как было относительно недавно, а шесть месяцев, и это минимальный срок.

– Уже в курсе что случилось? – спустя пару часов спросил я своего главного пивовара на подходе к лаборатории, где нас уже ожидал Дюбуа.

– Ты про бутылки? – Задал он риторический вопрос. – Да, в курсе. Разливать пиво нам не во что.

– Это как посмотреть, – с ухмылкой фокусника заявил я. – Есть у меня одна идеяка.

С этими словами я подошёл к холодильнику для образцов, достал оттуда стеклянный кувшин с нашим новым пивом и нарезанный лайм. Налил пиво в одну из поставленных нам бутылок и засунул в горлышко четвертинку лайма.

– Пиво с этой зелёной гадостью внутри – это и есть твоя идея? – скептически поинтересовался Осборн.

– Пробуйте! – подбодрил я старика. Правда, расценил он мою просьбу так, словно я ему отраву подсовываю.

Пересиливая себя, Осборн с большой осторожностью все же сделал глоток и на его лице отразилась целая гамма чувств, от недоверия до удивления.

– Вот чёрт, а это вкусно, скажу я тебе Фрэнк! Действительно вкусно! Очень необычное сочетание ингредиентов. Но подожди, я чувствую не только лайм, оттенок у пива как будто другой. Налей-ка мне чистого.

Я кивнул Дюбуа, и тот, улыбаясь, налил полный стакан Осборну.

– Что вы добавили в мое пиво? Вкус изменился, – сделав пару глотков, старик затребовал ответа.

– Аскорбиновую кислоту, мистер Осборн, – пояснил Дюбуа с хорошо слышным канадским акцентом. – Раз у нас есть только прозрачные бутылки, то нужно решить вопрос с окислением пива под воздействием света. А аскорбинка как раз и есть очень хороший антиокислитель. Если добавить её в пиво, то можно будет его разливать и в прозрачную тару. Наш мистер Уилсон – гений, ведь это полностью его идея! – польстил он мне.

– Без лайма это пить можно, конечно, даже интересно получилось. Но с ним намного лучше, – поделился мнением Осборн.

– Верно, мой друг, – я хлопнул его по плечу. – Вы совершенно правы. Поэтому я заказал не только аскорбиновую кислоту, но и лайм для дегустации. Покажем городу и штату не просто новое пиво, но и новый способ его пить. С кусочком лайма в бутылке. Только нужно будет пригласить журналистов и студентов колледжа, а может и вообще провести мероприятие там, в кампусе колледжа. Это продукт для молодых. Новому поколению американцев – новое пиво!

Сказать по правде, я от безысходности решил провернуть тот же трюк, что когда-то проделали американские бары с мексиканским пивом «Корона», которое было очень похоже на то, что сделали мы. Без лайма мексиканское пойло в прозрачных бутылках имело отвратительный вкус именно из-за аскорбинки, даже странно что Осборн не начал плевать от его вкуса. А вот с лаймом «Корона» очень быстро стала культовым пивом именно среди американской молодёжи. Правда произошло это в восьмидесятых, но мне придётся ускорить события. И если получится, то из логистической ошибки может вырасти общенациональный бестселлер, надо только запатентовать новое пиво, добавив в рецептуру сок лайма.

Провести мероприятие в кампусе не получилось, не оценила администрация колледжа такого авангардного предложения с моей стороны, даже выписанный мною чек на благотворительность не помог. Поэтому пришлось вернуться к первоначальной идее и всё организовать в баре при моём заводе.

Кстати, этот бар я планирую сделать не обычным заведением, в котором простой Джимми может пропустить кружечку-другую под острые крылышки, а затем поиграть в снукер или дартс. Нет, я хочу сделать из своего бара TastingRoom, место куда приходят насладиться вкусом пива с разными закусками, сегодня одними, завтра другими, а послезавтра третьими.

Поэтому у нас в баре кухни вообще не было, не предусмотрена она, а за закуски отвечали фудтраки, благо что в округе каталось несколько десятков этих мобильных закусовых, выбор более чем достаточный. В день дегустации, как будто специально, к нам приехал фудтрак мексиканской кухни.

Буррито, кесадилья и разнообразные тако обещали стать отличным дополнением к необычному сочетанию пива и лайма. Естественно, всё за счёт заведения, так что владелец фудтрака, полный, но при этом очень подвижный мексиканец с традиционным именем Хуан должен был сделать очень хорошую кассу, настолько хорошую, что на радостях он расщедрился на скидку в двадцать процентов на всё.

Все задуманное получилось, и теперь я наслаждался успехом. Гостям новый вкус пива явно пришелся по вкусу. Никто, кроме пожилых матрон и мэра-республиканца, бар по своей

воле покидать не собирался. Обсудив с Гарри Дэвисом из Буффало предстоящие поставки моего пива с лаймом, я уже хотел подойти к призывно машущему рукой Билли, школьному другу Фрэнка, как дорогу мне преградил тот самый тип, которого я сегодня видел с туповатым дружкой покойного Теда Ларсена.

– Мистер Уилсон, позвольте представиться. Хозяин бара для жокеев в Гошене. Чарльз Френсис.

– Рад знакомству, – с дежурным оптимизмом поприветствовал я его.

– Отличное пиво, мистер Уилсон. И цена невысока, и вкус необычный. Я заинтересован в его поставках. Мы могли бы обсудить наше будущее сотрудничество в более спокойном месте? – его акулья улыбка конкурировала со стальным блеском глаз.

Уже собрался вежливо послать мистера Фрэнсиса, я совершенно не обманулся в его истинных намерениях, как нас обоих привлек шум с улицы.

– Прошу меня извинить, вернусь через минуту, – скороговоркой проговорил я и почти что выбежал на улицу, боясь не успеть погасить скандал и занять проблемы от шефа полиции. Чем-то не понравился я капитану Хольгеру. Надо будет узнать были ли у него контры с отцом Фрэнка.

– И почему я с друзьями не могу зайти пропустить по стаканчику? – возмущенно спрашивал худощавый черноволосый парень с умным и подвижным лицом, который показался мне смутно знакомым.

За ним стояли четверо чернокожих с музыкальными инструментами, судя по форме футляров, это были саксофон, парочка гитар и контрабас.

– Потому что твои друзья чернокожие макаки, вот почему, – роль фейсконтроля взял на себя один из моих гостей, тот самый закупщик из Буффало, Гарри Дэвис. – Ты можешь зайти, а вот они нет. Хотя и ты не можешь, это частная вечеринка. Так что забирай своих нигеров и проваливай! А не то я полицию вызову!

– Лени, пойдём отсюда, не надо связываться с этим козлом, – потянул белого приятеля за рукав пальто один из музыкантов. – Уверен, в этой дыре найдутся и другие бары.

– Что ты там вякнул?! – Моментально закипел Дэвис. – Ублюдох, мать твою! А ну иди сюда, говно собачье!

– Джентльмены, – встрял в разговор мистер Фитцпатрик. Он как раз собирался уезжать и ждал такси, – здесь дамы.

Будущий мэр Мидлтауна имел в виду свою жену и старшую дочь, которые стояли рядом и наблюдали за происходящим широко распахнутыми глазами. Их вечер явно удался, сперва бар с полуголыми девицами, затем охамевшие афроамериканцы. Прямо мечта демократа.

– А ты не вмешивайся, папаша! – отшил его Дэвис и ринулся на оскорбившего его музыканта.

Но ему помешал Лени, ловко поставив подножку торговцу из Буффало. Толстяк не справился со своим весом и упал, после чего вскочил с земли и бросился теперь на Лени. Завязалась драка, в которую согласно правилу «когда белые дерутся, цветные не вступают» чернокожие музыканты уже не полезли.

Тут и копы подоспели. То, что они будут патрулировать район пивзавода, мы согласовали с шефом полиции города заранее. Стражи порядка, не особо вдаваясь в подробности, застегнули наручники на цветных, а до кучи загребли и Лени, который начал качать права, типа не того арестовывают. Зря это он. Промолчал бы и не поехал вместе с приятелями в участок.

Стоило дожидаться, когда копы уедут, а уже потом возбужать, демонстрируя свои прогрессивные взгляды.

Фицпатрик именно этим и занялся, как только полицейские машины скрылись за поворотом, а Гарри Дэвис вернулся в бар, чтобы отпраздновать победу.

– В ужасное время мы живём, Фрэнк. Эти ребята просто хотели выпить, а этот реднек из Буффало сразу начал хамить только потому что они чёрные.

– Согласен с вами мистер Фицпатрик, – поддержал я негодование будущего мэра. – А знаете что? Внесу-ка я залог за этих парней – так будет правильно! – Раз уж подвернулся случай, почему бы не выжать из него по максимуму?

Очень вовремя появились эти афроамериканцы на моей вечеринке. И теперь мой поступок с вызволением из застенков пострадавших от расизма станет прекрасным дополнением к моему портрету убежденного демократа. Такое аплуа мне было не лишним, ведь я прекрасно знал, что братья Кеннеди вскоре проделают огромную работу, направленную на борьбу с расовой сегрегацией. Джон, как сенатор, а позже президент, а Роберт на посту генерального прокурора. И если выставить себя борцом за права чернокожих, то это сильно повысит мой рейтинг в глазах этой ирландской семейки, а также тех, кто за ними стоит.

Будем сообща возвращать в Америке вирус толерантности.

Глава 2

«Открытие новой экспозиции в Нью-Йоркском национальном музее естественной истории», – прочитал я очередной заголовок New-York Times за завтраком. Его мне приготовила моя новая домработница – пани Марта эмигрантка из довоенной Чехии.

– Национальный музей естественной истории и посольство Италии с удовольствием сообщает, что восемнадцатого декабря 1954 года состоится открытие новой экспозиции, гвоздем которой станет недавно полученная древнегреческая бронзовая статуя воина и другие находки, которые музей получил летом этого года. Это отличный подарок на предстоящее рождество для всех кто интересуется историей.

Мы уже ранее писали о Фрэнке Уилсоне, нашем соотечественнике, который во время лодочной прогулки у южных берегов Италии нашел три древние бронзовые статуи. Одна из них после длительных переговоров была передана Соединенным Штатам. Специалисты музея естественной истории проделали фантастическую работу по её реставрации и вот теперь готовы показать статую воина всем желающим.

Помимо открытия публичной выставки музеем также проводит благотворительный вечер, посвященный этому событию, все собранные средства будут направлены в фонд помощи инвалидам Корейской войны.

Специальными гостями вечера будет виновник торжества мистер Фрэнк Уилсон и только что назначенный посол Итальянской республики в США мистер Манлио Брозио, для которого этот вечер станет первым официальным мероприятием после вручения верительных грамот. Джим Парсонс, наш штатный корреспондент также будет присутствовать на этом ужине и подробно осветит мероприятие».

Интересные дела проворачиваются в Нью-Йорке. Меня, оказывается, пригласили на благотворительный ужин, а я об этом ни сном, ни духом. Если бы не эта колонка на предпоследней странице New-York Times я бы так и не узнал о мероприятии.

– Марта, принеси мою почту! – крикнул я, чтобы домработница услышала меня из гостиной, где она сейчас убиралась, а сам сделал себе в новенькой кофемашине от General Electric чашечку ароматного эспрессо.

От кофе меня отвлек телефонный звонок. Хваля себя за предусмотрительность, я потянулся за трубкой. Дело в том, что до моего вселения в дом Уилсонов, здесь был всего один телефон, который стоял в старом кабинете отца Фрэнка, а теперь полдюжины аппаратов были раскиданы по всему дому, включая подвал и гараж. Последнее, так вообще было очень удобно, учитывая, что я достаточно много времени провожу в гараже, мастера различные образцы технологий будущего.

– Мистер Фрэнк Уилсон? – услышал я мужской голос. – Рад вас слышать! Меня зовут Кристиан Холл, я помощник президента Нью-Йоркского национального музея естественной истории. Нью-Йоркского национального музея естественной истории.

– Приятно познакомиться мистер Холл, чем могу быть полезен? – отозвался я, уже понимая, о чем пойдет разговор.

– Я звоню узнать, будете ли вы на благотворительном ужине?

– Да, я видел статью в New-York Times. А вот и приглашение, – добавил я. Марта как раз принесла мне почту, среди которой отыскался потерянный конверт. – Мистер Холл, у меня к вам просьба, – прочитав стандартное приглашение на мое имя + 1 лицо, я сразу же вспомнил об Эмме, ангелочке из Нью-Йорка. Было очень завлекательно провести с ней вечер, а затем и ночь. Но дальше мысль скакнула на ее брата, адвоката Пэрри Мэтьюса, который грозился, что я «освою полёты без крыльев» если буду волочиться за его сестрой. Ссора с ушлым юри-

стом была не в моих интересах, Мэтьюс с его профессиональными навыками мне был еще нужен. А раз нельзя атаковать в лоб, буду маневрировать.

– Конечно, мистер Уилсон, помогу, чем смогу, – откликнулся сотрудник музея.

– Могу я пригласить с собой двух гостей?

– Да, конечно. Но вам придется доплатить пятьдесят долларов, это цена входного билета на мероприятие на одного человека. Но вам придется доплатить пятьдесят долларов, это цена входного билета на мероприятие на одного человека.

– Без проблем, – не стал я обзывать собеседника крохобором.

– Тогда я пришлю вам новое приглашение.

– В этом нет необходимости, мистер Холл. Я сегодня приеду в Нью-Йорк и сам могу к вам зайти.

– О, так даже лучше! Сейчас все подготовлю! – эмоционально заверил меня Кристиан.

Вот и отлично. Я положил трубку, мысленно потирая руки. Ни один адвокат не откажется от возможности покрутиться в обществе толстосумов и поторговать лицом. Да Перри зубами вцепится в мое щедрое предложение, а значит и пойдет на мое завуалированное условие – взять с собой Эмму.

С этой приятной мыслью я закончил завтрак и пошел одеваться. Меня ждал Нью-Йорк. И не только адвокатская, но и брокерская контора. Пришла пора прощупать почву на главной американской улице – Уолл Стрит. Мои детские игры в пивовара – это чисто прикрытие, которое по чистой случайности совпало с моим хобби из прошлой жизни. Главную свою игру я проведу на фондовой бирже.

Правда, открыть собственную брокерскую контору мне пока не по карману, какое-то время придется работать через посредников. Причем сама инвестиционная компания нужна с именем, а вот брокер, который мне, как клиенту, будет выделен не должен быть слишком авторитетным, распирающимся от собственной крутизны и важности, устану отмахиваться от его советов. Для меня на первом этапе, чем зеленее он будет, тем лучше. В идеале мне нужен вчерашний стажер, который не рискнет задавать лишних вопросов и лезть ко мне с выгодными предложениями, а будет чисто покупать и продавать то, что я ему скажу.

И начну я со скупки акций General Electric. Сейчас у этого технологического гиганта не лучшие времена, конкуренты из Westinghouse опережают их в очень прибыльном и перспективном деле в атомной энергетике. Уже спущен на воду Nsutilus, первая в мире атомная подводная лодка, в море она выйдет в конце января следующего года, всюю строится первая АЭС с реактором от Westinghouse, а главное принципиальное решение о постройке атомного авианосца Энтерпрайз уже принято и подрядчиком для создания энергетической установки будет тоже Westinghouse.

На этом фоне Genereal Electric смотрится крайне бледно. Sea Wolf, лодка уже с их реактором, задерживается и будет спущена на воду только в середине следующего года, о чем знаю сейчас только я, и кулуарно ходят слухи, что именно из-за проблем с реактором. Более ничего подобного проекту по строительству АЭС нет даже и близко. Всё это плохо отражается на акциях GE, они сейчас падают, а их конкуренты наоборот растут. Но так будет не всегда. Как только достроят лодку, GE начнёт долгие переговоры с Американской комиссией по атомной энергии, итогом которых станет подписание в 1957 году лицензии на строительство первой частной АЭС в США. Всё это будет позитивно воспринято инвесторами и акции начнут очень хорошо расти.

Вся эта история хорошо отложилась у меня в памяти только потому что была отличным примером того, как инсайдерские сливы информации напрямую помогают биржевым спекулянтам делать деньги. О переговорах с комиссией станет известно и акции GE начнут расти практически сразу.

Обо всем этом я читал когда только переехал в США и начал плотно изучать историю торгов на бирже. Были у меня определенные инвестиционные планы, а выглядеть нуворишем с мешком долларов сомнительного происхождения мне тогда не хотелось. Вот я и перелопатил просто кучу информации перед тем как отдать мои деньги в лапы брокеров. Тогда мне это не особо пригодились, а сейчас глядишь и принесёт большие деньги. Причем сейчас мне выгоднее выступать как раз в образе лоха. Со сменой жизни приходит и смена приоритетов.

– Спасибо, Марта, было очень вкусно, – поблагодарил я прислугу за завтрак и уже через полчаса открывал дверь гаража.

Надо будет на досуге подумать о небольшом стартапе по производству механизированных гаражных ворот, тягать туда-сюда тяжеленную дверь дело утомительное.

– Да чтоб тебя! – спустя час с чувством выругался я. – Что там вообще происходит?!

Все это время я полз с черепашьей скоростью по трассе в Нью-Йорк и вот теперь движение полностью остановилось. Только полицейские и пожарные машины с включенными сиренами обгоняли выстроившуюся колонну машин по обочине.

Закурив навязчивые Lucky Strike, никак не могу отделаться от этой плебейской марки и перейти на что-то более соответствующее образу преуспевающего бизнесмена, и вышел из своего шегольского Корвета. Поднял воротник пальто и, пожившись от порывов ветра, что швырял в лицо валивший с неба снег, пошел вперед, мимо таких же бедолаг, которым, несмотря на непогоду, приспичило ехать в сторону Большого яблока.

– Там что-то горит! Похоже впереди пожар! – услышал я разговоры покинувших, как и я, свои автомобили водителей.

Присмотрелся, подняв ладонь над глазами, чтобы защитить их от снега, и увидел густой, черный дым.

До патрульной машины пришлось идти несколько десятком метров. Она стояла за техническим разворотом, предназначенным только для специальной техники. Парочка копов что-то объясняла обступившей их толпе.

– Добрый день офицер. Что случилось? – задал я популярный ныне вопрос.

– Водитель бензовоза не справился с управлением из-за снегопада и протаранил опору моста, – в очередной раз начал устало объяснять один из полицейских, тот что был покрупнее. Его свисающие усы и черты лица делали его похожим на добродушную овчарку из мультфильма студии Warner Brothers. – Ну а то, что начался пожар ты и сам видишь.

– И что нам теперь делать, офицер? – подключились другие водители, ведь волновало это абсолютно всех.

– Как что? Сейчас мы откроем этот поворот и начнем пропускать машины. Тем, кому нужно в Сити, им лучше воспользоваться поездом. Ближайшая станция в Харримане, это минут десять отсюда, не больше.

– Но я бы на вашем месте вернулся домой и выпил виски перед камином, – наставительно предложил нам другой вариант второй коп, до этого молчавший и взирающий на происходящее вокруг отстраненно. – В городе сейчас творится ад, нам передавали что в Бруклине, Квинсе и на Манхэттене кое-где отключили свет.

– Ага, сейчас плюну на планы по завоеванию мира и поеду пить виски, – пробормотал я себе под нос. Нисколько не соблазнившись предложением, вышел из толпы мужиков и побрел обратно к своему автомобилю.

Желающих попасть в Нью-Йорк из Харримана, типичного американского городка с обилием частных домов и припаркованными вдоль улиц машинами, занесенными снегом, набралось немало, и чтобы купить билет мне пришлось отстоять длинную очередь, которая змеей гибала местный вокзал.

До прихода поезда оставалось еще минут сорок, и я решил скоротать их за обедом в привокзальной кафешке. Взял четвертьфунтовый гамбургер с картошкой фри щедро политой сыр-

ным соусом, не люблю я кетчуп, и большой стакан кофе со сливками. И за поеданием типичного американского обеда стал обдумывать не дающую мне уже давно покоя мысль – как бы половчее пропихнуть свое пиво в забегаловки Макдональдса.

Если продавить такое решение, то Wilson's Brewery очень быстро станет поставщиком общенациональной сети быстрого питания, а это очень большие деньги и перспективы роста с расширением производства. Под это дело можно даже будет подумать об открытии заводов в других штатах: во Флориде, на среднем западе, в Калифорнии.

А потом, когда рожа Рональда Макдональда начнет мелькать в других странах, то и за границей.

Хотя, можно пойти и другим путем. Когда основной проект, общенациональная сеть семейных ресторанов быстрого питания, запустится и раскрутится можно взять уже готовую управленческую и логистическую структуру и на её основе создать вторую сеть, уже повыше классом.

Например, сеть стейкхаусов. И вот там уже пиво, а также другие алкогольные напитки будут очень в тему. Может быть это и не будет так выгодно как Макдональдс, но тоже принесет хорошие бабки, когда придёт время размещаться на бирже.

Если мне не изменяет память, то в 2007 ИНОР купил Applebee's, сеть ресторанов с очень похожей концепцией, о которой я сейчас думаю, за 2,1 миллиарда долларов. Даже если сделать скидку на время, сейчас порядок сумм совсем другой, то всё равно понятно, что, когда я решу продать сеть, она будет стоить несколько сотен миллионов. Наверно, так даже лучше будет – два параллельных, не конкурирующих между собой, а наоборот, партнерских проекта намного лучше одного.

За этими размышлениями время буквально промелькнуло и я, купив местную газету, вернулся на вокзал, а уже через несколько минут сидел в вагоне поезда до Нью-Йорка.

– Здесь свободно? – отвлекли меня от чтения.

– Да, конечно, – ответил я.

Сперва убрал соседнего кресла портфель с документами и только затем поднял голову на того, кто спрашивал.

– Секунду, откуда я тебя знаю, приятель? – спросил вчерашний бузотер, всматриваясь в мое лицо. – А точно, я тебя видел вчера возле того бара где меня с ребятами приняли! – последнее он проговорил уже с неприязнью и собрался подыскать себе другое место.

– Ленни Брюс, верно? – притормозил я его вопросом. Он настороженно кивнул. – А я Фрэнк Уилсон.

– Так получается это ты внёс за нас вчера залог?! – узнав мое имя, он вцепился в мою руку, как утопающий в спасателя, и начал ее трясти.

– Это был мой ежегодный правильный поступок на рождество, – удивился я такой бурной реакции на мое признание и принялся вызволять руку из чужого захвата.

– Я еврей, – сообщил мне Ленни.

– Ну, значит на хануку, – покладисто переиначил я ответ все же освободившись.

Задержал я его не за тем, чтобы выслушивать благодарности и наливаться важностью, а потому что, наконец, вспомнил, где видел этого Ленни. Это был тот самый комик, которого я слышал в первый день своей второй жизни. Это был тот самый комик, которого я слышал в первый день своей второй жизни.

– Я тоже тебя узнал. Ты стендапер, и я слышал тебя во Флориде в феврале, в этом как его, бар Табакко роуд.

– Жуткая дыра, но да, я там выступал. Получилось неплохо.

– А что ты забыл в Апстейте? И где твои приятели?

– Как что? Выступал. Праздничный чёс по занюханым барам. Десять долларов за выступление плюс безлимитный бар. Ну и то что от щедрот подкинут полтора бухих посе-

тителя если им зайдут мои шутки. Сейчас я еду домой, а ребята продолжают, у них еще три выступления. Фрэнк, слушай, – смутился Ленни, – на счет денег за залог. У меня сейчас нет ста долларов. Но как только заработаю, сразу пришлю.

Ага, лет через десять, если напомним.

– У меня есть предложение получше, – натянул я на лицо улыбку. – Тот бар, где вас приняли, мой и мне, как ты выразился, зашли твои шутки. Можешь не присылать мне чек, но с тебя несколько выступлений. Мы только открылись, так что с публикой проблем не будет. Идёт?

– Пожалуй, что соглашусь, приятель. Договорились. А теперь извини, заплёванная скамейка в камере, где мне все пришлось провести до утра, не лучшая кровать, и я дико хочу спать. Дай мне свою визитку, и я позвоню тебе на днях. Окей?

– Конечно, держи, – я достал из портмоне серебристо-белую карточку.

Ленни повертел ее в руках, еще раз пробормотал слова благодарности и, прислонившись к оконному стеклу, сразу вырубился. А я продолжил читать газету и через час вышел на Пэнн Стейшн.

Нью-Йорк встретил меня снегопадом, не обманул тот коп, дороги были завалены снегом и машины еле по ним передвигались. Поэтому я отказался от идеи ловить такси и нырнул в метро.

Спустя пятнадцать минут и одну пересадку я был на месте, у входа в Рокфеллер-центр, где в это время располагался офис нужной мне инвестиционной компании. Это ведь только в массовом сознании Уолл-Стрит – финансовый центр мира, на самом деле она скорее собирательный образ тесно переплетенного клубка биржи, банков, инвестиционных холдингов и страховых компаний, офисы которых раскиданы не только по всему Манхэттену но и в других городах США.

Сперва я хотел прогуляться до Боулинг стрит, посмотреть на знаменитую статую быка, которая в моё время стала символом Уолл-стрит, но вовремя вспомнил что её установили в конце восьмидесятых и даже расстроился. Вот стану миллиардером и ускорю процесс. И сейчас мне нужно сделать очередной шаг для этого.

Если бы я, как множество американцев, имеющих хоть какие-то свободные деньги, решил просто поиграть на рынке с акциями мелких и средних компаний, то у меня бы был большой выбор брокерских контор. Но мне были нужны акции не просто какой-то компании. Нет, мне нужны акции General Electric, и значит выбора у меня особо и нет. GE – это настоящий кит американской экономики, Моби Дик, мать его, и чтобы его загарпунить мне нужен мой личный капитан Ахав. На роль которого я выбрал Merrill Lynch, не больше ни меньше. Один из старейших и крупнейших инвестиционных банков США на этот момент, который торговал акциями крупнейших американских компаний и, в отличие от конкурентов, вёл агрессивную рекламную кампанию по привлечению клиентов из самых разных слоёв населения США. Именно то, что мне нужно – не будет вопросов почему мистер Уилсон, простой парень из Апстейта, про мои миллионы в Швейцарии никто ведь здесь не знает, да и всего три их пока у меня, пришёл именно сюда.

Вот и надо мне прикинуться этаким простаком, решившим поймать удачу за хвост. Меньше будет вопросов от IRS и комиссии по ценным бумагам.

Улыбчивый администратор в шикарно украшенном холле Рокфеллер-плаза, центрального небоскрёба всего центра, вежливо поинтересовался целью моего визита, а затем направил меня к лифтам. Пока я шёл, разглядывая фрески, которыми был украшен холл, вспомнил связанную с ними историю. В 33-м году при строительстве небоскрёба, мексиканский художник, отвечавший за эти фрески изобразил Ленина с рабочими. Вождя мирового пролетариата прямо в самом сердце американского капитализма. Такого авангардизма заказчик не выдержал

и фреску уничтожили, заменив на более подходящую месту. А жаль, было бы забавно. Кстати, о коммунистах, надо бы им второе послание чиркнуть, январь уже на носу.

Дверь лифта открыл лифтер, что оказался внутри, и был он в красном мундире с фуражкой и шикарными бакенбардами.

– Добрый день, сэр. – Пробасил он. – Куда Вам?

– Будьте добры Меррилл Линч.

– Конечно сэр.

Только по окончании ритуального диалога я смог зайти. В отличие от скоростных лифтов моего времени, тех, которые стартуют так что тебя прижимает к полу, их дедушка двигался степенно, и подъем на три десятка этажей занял несколько минут. Наконец, звонок возвестил о том, что мы на месте.

– Меррилл Линч, сэр. Хорошего дня.

Поблагодарив лифтера, на словах, без чаевых, я направился к очередному администратору, сидевшему за стойкой под нужной мне вывеской, который, в свою очередь, проводил меня в переговорную комнату. Ничего особенного: прямоугольное помещение на пятнадцать метров, без окон, но со стеклянными стенами, длинный стол по центру, да стулья вокруг него, разумеется, вся мебель из ценных пород дерева.

– Мистер Уилсон, рад приветствовать вас в Меррилл Линч. Вы сделали правильный выбор! – в комнату с достоинством вплыл представительного вида мужчина: прилизанная укладка на голове, пошитый на заказ костюм, сияющие кремом и чистотой лакированные туфли, маникюр на руках, на запястье дорогие часы. – Блэйк Коулман, старший брокер, – представился он в свою очередь и сразу же перешел к делу. – Могу я узнать о ваших финансовых планах?

Мы расселись друг напротив друга, я достал пачку сигарет, выбил из нее одну, подвинул к себе пепельницу и закурил. Это не было наглостью с моей стороны, в эти времена курение считалось нормой и никого не оскорбляло.

– Хочу прикупить акций American Tobacco.

– Вижу, вы их поклонник, – все еще улыбаясь, но уже потеряв ко мне всякий интерес, дежурно заметил старший брокер.

А что еще от него после моего перформанса надо было ожидать? Приперся какой-то тип в промокших ботинках, одежда и часы, да, дорогие, но сам молод, а значит располагает только деньгами семьи. Брокеры же на комиссию со сделки живут, а со мной она обещала быть скромной.

– Ага, курю их сигареты в честь оружия, которое закончило Вторую Мировую Войну.

Мистер Коулман завис, тряхнул головой для лучшего мыслеобразования, посмотрел на пачку с изображением сексапильной красотки на фоне красного круга, напоминающего флаг Японии.

– Хмм, – издал он гортанный звук, а когда справился с дыханием сообщил. – Мы выделим вам молодого, но очень перспективного сотрудника, выпускника Колумбийского университета.

Я, улыбаясь, покивал, проводил взглядом его слишком прямую спину до выхода и выпустил несколько колец табачного дыма ему вдогонку.

Через пять минут передо мной стоял парень моего возраста, тоже с вымазанными гелем волосами, в начищенных до блеска остроносых туфлях и дорогом костюме, но уже купленном в магазине.

– Феликс Вуд, – облучил он меня своей уверенностью. – Значит вы желаете купить акции American Tobacco? На какую сумму?

– Десять тысяч, – лениво ответил я.

– Могу посоветовать вам еще ряд инвестиционных решений, – умело приступил он к окучиванию клиента.

– Меня не интересуют чужие советы, – в границах вежливой формулы умерил я его пыл. Улыбка выпускника Колумбийского университета стала натянутой. У местной фауны, даже у вчерашнего стажера, самомнение видно из стратосферы.

– И акций Genereal Electric на двести тысяч, – нанес я неожиданный удар и, могу поклясться, увидел, что увидел как в расширенных глазах младшего брокера блеснули долларовые знаки.

Глава 3

– Мистер Уилсон! Сколько вам заплатили за статую?! – пытался докричаться до меня один из журналистов. Собралось этой настырной братии здесь довольно много, и все они лезли с вопросами.

Я их вежливо игнорировал, улыбался и позировал напротив пресс-волла, перед которым останавливались все приглашенные на благотворительный вечер в национальный музей естественной истории гости. Вот и меня сия участь не миновала, от фотовспышек уже в глазах потускнело.

– Мистер Уилсон, вы и дальше планируете заниматься подводной археологией? – эти акулы пера все не унимались.

Конечно! Резко меняю свои планы, угоняю у Жака-Иво Кусто «Калипсо» и начинаю прочесывать моря-океаны в поисках Атлантиды. Хотя зачем во Францию мотаться, у меня же под боком атомную подводную лодку строят. Хмм, а если с Nautilus что-то случится, это ведь значит, что акции General Electric еще больше взлетят в цене!

От посетившей меня мысли даже дыхание перехватило. Но предвкушение сразу же сменилось разочарованием, лодка, скорее всего, уже на воду спущена, а боевых пловцов в моем арсенале пока нет.

– Фрэнк, пошли уже, – отвлек меня от мысли о диверсии и ускорил мой проход по ковровой дорожке Пэрри.

– Да, конечно, – я улыбнулся Эмме, что держала брата под руку. Не меня, да. Но не все сразу.

К моему удивлению Мэтьюз воспринял предложение посетить благотворительный вечер без особого восторга.

– Там будет много народа, – сказал он взирающей на него с надеждой сестре. И тон у него при этом был такой, словно много народа – это для юной леди нечто неприличное.

Мы сидели в его адвокатском офисе. Вернее, сидели только мы с Пэрри. Он за своим рабочим столом, я напротив, обсуждали покупку земли на Лонг-Айленде, там, где совсем скоро начнется строительство моста Верразано, а Эмма принесла нам кофе.

Специально дожидался прихода девушки, и как только она расставила на столе чашки, я призывно помахал приглашением на благотворительный вечер.

Искренняя радость, что отразилась в глазах Эммы, подтвердила верность моего расчета. Но после слов брата из девушки словно вся жизнь вытекла. Она поникла и, ссутулившись, медленно пошла в приемную.

У меня от ее несчастного вида аж сердце сдавило, и на Пэрри я теперь смотрел как на домашнего тирана. Адвокат увидел мою неприязнь, поиграл желваками, затем потянулся за сигаретой, чиркнул зажигалкой, сделал пару затяжек и выпалил:

– Зря ты это затеял.

– Это просто приглашение на благотворительный вечер, – в свою очередь процедил я.

– Ты ее расстроил.

– Чего?! – его нелепое обвинение разозлило меня еще больше. – Это ты ее расстроил своим отказом! Что плохого в том, что девушка сходит развеяться, причем в твоём сопровождении. Я же вас не в притон зову.

– Мистер Уилсон, предлагаю оставить наши отношения чисто деловыми. Вы не лезете в мою семью, я оказываю вам юридические услуги. Если вас это не устраивает, давайте на этом закончим наше сотрудничество.

– Окей, дела, так дела, – я раздраженно принял условия.

С того отрезвляющего разговора прошло два дня, и я уже подумывал пригласить на вечер Джессику с Донной, но неожиданно позвонил Мэтьюз.

– Приглашение еще в силе? – спросил он.

Даже не думал, что умею так радоваться. Я буквально летал по дому, пугая пани Марту, из-за чего схлопотал пару раз по заправку кухонным полотенцем. Слишком уж щепетильной она оказалась в отношении порядка и теперь на правах домработницы требовала от меня его соблюдать. Уняв бушевавшие в молодом теле Фрэнка гормоны, я заперся в своем гараже мастерить очередной девайс, способный поднять стоимость акций Альфа Ромео, раз уж эта компания стала одним из моих активов.

Ее акции уже начали расти, пусть они пока и не играют на Нью-Йорской бирже, но новости из Европы я получаю регулярно, поэтому знаю, что работа «секретного центра ЦРУ», из которого я «получил» наработки уже дала свои плоды и дела у компании идут в гору. Кстати, скоро выплата дивидендов, еще немного денег в копилку лишними не будут, надо только озаботиться по настоящему хорошим бухгалтером, нет страшнее преступления в штатах чем не отдать долю дядюшке Сэму, а февраль уже близко.

Сейчас же на верстаках гаража лежало целых два проекта: один позволял ехать быстро, а второй комфортно. Система впрыска закиси азота в двигатель и электроусилитель руля.

Первый известен уже очень давно, еще до войны такая система применялась в авиации, эксперименты ставили по обеим сторонам океана. Правда, потом наступила эра реактивной авиации, способы повышения мощности поршневых моторов стали попросту не нужны и веселящий газ надолго «лег на полку», чтобы вернуться в семидесятых, когда начался расцвет кастомизации и тюнинга автомобилей в США, и энтузиастам потребовался эффективный способ повышения мощности. Системы впрыска стали выпускаться серийно и очень скоро любители погонять на четверть мили уже не могли без неё обойтись.

Были и попытки воткнуть баллоны в серийные машины. По-моему, Saab и Renault вели эти разработки, но что-то у них там не срослось.

Кто знает, может итальянцы окажутся искуснее шведов и французов.

В общем технология есть, а вот область применения пока туманна.

Другое дело, электроусилитель рулевого управления, эта штука после своего появления в 1988 году быстро стала очень популярна. Она, конечно, имела недостатки по сравнению с классическим гидроусилителем, который сейчас массово ставится на американские машины, зато имеет один существенный плюс – работает если двигатель внезапно заглох. В определенных ситуациях это может спасти водителю жизнь. Надо только добиться, чтобы система сама работала надёжно.

Усилитель руля выглядел более перспективно прямо сейчас, поэтому именно над ним я и работал в свободное время.

И вот долгожданное восемнадцатого декабря настало, я арендовал лимузин с водителем и заехал за Мэтьюзами. Жили они на среднем Манхэттене, совсем недалеко от Национального парка и музея.

Перри, как и я предпочел надеть фрак, а вот Эмма была просто божественна. Но всю ее красоту я смог разглядеть, только в здании музея, когда девушка скинула шубку и осталась в облегающем верхнюю часть тела коктейльном платье цвета аквамарина. И если длинные ноги были преступно укрыты достигающим пола подолом, то зона декольте сверкала бриллиантами, притягивая как мощный магнит мужские взгляды.

Для банкета организаторами был выделен огромный зал Древней Евразии, где и обрела место в качестве экспоната переданная мною в музей статуя воина. Возле нее мне тоже устроили фотосессию: я в компании с президентом музея, пожилым мужчиной с густой шевелюрой и испанской бородкой, я с послом Италии Манлио Брозио, наше улыбающееся трио во фраках,

и на закуску, от вида которой мои неугомонные от молодости гормоны опять взбунтовались, совместный снимок с Одри Хопберн, красивейшей из актрис.

– Влюбился в вас, как только увидел «Римские каникулы», – из-за притока крови куда не надо я выдал банальнейшую из фраз.

Одри мило улыбнулась, ответила мне не менее банальными фразами об Италии, и переключилась на такой же скучный разговор с сеньором Брозио.

Это фиаско, Фрэнк. Ты доволен? А теперь вали в свою часть мозга, или где ты там обосновался вместо того, чтобы уйти в загробный мир, и дай мне спокойно пообщаться с сенатором Кеннеди. Вон он идет знакомиться. Точнее, поприветствовать президента музея, но я же специальный гость, поэтому обязательно буду ему представлен. Так и произошло.

– Рад знакомству, – Джон энергично потряс мою руку.

– Господин сенатор, миссис Кеннеди, – Жаклин я кивнул персонально, слегка пожав протянутую мне ладонь в перчатке. В отличие от Одри и Эммы, эта женщина природной красотой наделена не была, но это не помешало ей стать иконой стиля своего времени. Смотреть на нее было поистине приятно. Одежда, макияж, манеры – все было безупречно. И все что в прошлой жизни я читал о будущей первой леди нелицеприятно неожиданно стало неважным.

– Мистер Уилсон, вы не расскажите нам, как нашли эти статуи? – глаза Жаклин лукаво блеснули, на щеках проявились очаровательные ямочки. Она поняла, что произвела на меня впечатление, и, как всякую женщину, ее это воодушевило.

Жаклин слушала с искренним интересом, ее супруг с вежливым. А я разливался соловьем, вплетая в официальную версию, созданную Аньелли, итальянские колориты.

– Вы демократ, Фрэнк? – спросила она меня уже как миссис Кеннеди, жена политика, помогающая находить ему сторонников.

– Разумеется. Я даже вложил в избирательную кампанию претендента от демократической партии на должность мэра моего родного города – Мидлтауна.

– Похвально, – оживился Джон.

– А вы, господин сенатор еще не собираетесь баллотироваться в президенты?

– Если только на выборах 1960 года. Молодой еще, подрасти надо, – рассмеялся он своей шутке, а я охотно его поддержал.

– Думаю, из вас получится отличный президент, – лизнул я его, прекрасно зная, что Джон очень падок на лесть, даже такую грубую. Мне было нужно, чтобы со мной у него были связаны приятные воспоминания. Так мне будет легче в нашу следующую встречу.

– Я считаю, что, не осудив сенатора Маккарти вы поступили как настоящий патриот, – расширил я свое утверждение. – Долг каждого американца бороться с коммунизмом, а не осуждать эту священную борьбу, – изобразил я молодого и горячего сторонника маккартизма.

– Фрэнк, в последнее время становится опасно так говорить, – пожурил меня Джон за экспансивность, но услышанное ему явно понравилось, ведь мои слова отражали его убеждения.

– Я же об этом говорю только при своих, – мы втроем посмеялись, и на этом разговор закончился, к чете Кеннеди подошли перекинуться фразами другие гости.

А я пошел искать девушку своей мечты. Ее брат разговаривал с потенциальными клиентами, а вот Эммы видно не было.

– Мистер Уилсон, – перегородил мне дорогу посол Италии. Пришлось улыбаться в ответ. – Вы знаете, что стали знамениты в Европе?

– Даже так? – удивился я. – Вот прям во всей Европе или только в Италии?

– Именно в Европе, – не поддержал мой шуточный тон синьор Брозио. – В Лондоне, где я имел честь представлять интересы Республики вы с синьориной Аньелли наделали много шума, вернее, статьи о вас. «Прекрасная итальянка и молодой американец нашли сокровища!» Вас даже сравнивали с Одри Хепберн и Грегори Пеком, тем более, что синьорина Аньелли чем-то похожа на актрису.

– Да, я тоже заметил их сходство, – согласился я.

– Мистер Уилсон, мэр города Реджо ди Калабрия решил присвоить вам звание почетного жителя и приглашает вас на официальный приём! – огорошил он меня новостью.

– Польщен, – немного растерянно ответил я, думая о том, что мне как раз надо было слетать в Европу. Вывести деньги из Швейцарии, встретиться с Ромео.

Пока я мысленно корректировал планы посол Италии подозвал к себе репортеров и, широко улыбаясь, сделал громкое заявление с вручением мне символического приглашения.

Непродолжительные аплодисменты и я, наконец, свободен.

Девушку мечты я нашел в дальнем от меня конце зала. Еле заметил в том закутке из витрин, где она в одиночестве рассматривала оружие бронзового века.

– Шампанское? – два бокала с ним я снял по пути с подноса, с которым лавировал среди гостей один из официантов.

– Спасибо, – ее лицо осветила улыбка. – И за приглашение на вечер, мистер Уилсон, тоже вам спасибо.

– Просто Фрэнк, – попросил я девушку.

– Хорошо, Фрэнк, – легко согласилась она. – Ты меня буквально спас от одиночества. Невыносимо проводить все свое время в четырех стенах, не иметь возможности встречаться даже с подругами, гулять по парку, посещать магазины, просто общаться.

– Он тебя что в заточении держит? – ужаснулся я. – Почему он так с тобой обращается?

– Я сама виновата, – ее прекрасные глаза заволокла печаль.

Господи, да в чем может быть виноват этот ангел?!

– Мистер Уилсон, – раздавшийся за спиной мужской голос был совершенно ни к месту.

– Опять вы?! Не видите, что я занят?! – раздраженный бестактностью прорычал я на хозяйина бара жокеев в Гошене, именно так о себе заявил при нашей первой встрече на дегустации Чарльз Френсис. Интересно кто сюда впустил этого мафиози? Хоть он и вырядился во фрак, но натуру-то не скрыть. Проходной двор, а не благотворительный вечер.

– Я не займу у вас много времени, – нагло ухмыльнулся мне в лицо мафиози. – Деньги верни, и мы больше не увидимся.

– Какие в задницу деньги?!

– Которые проиграл твой папаша. А если вилять надумаешь, так я твою девочку себе поигратья заберу, – при этих словах от прошелся скабресным взглядом по фигуре Эммы.

У меня в мозгу словно перемякнуло, теперь меня вело лишь одно желание – уничтожить того, кто посмел угрожать моему ангелу.

Фрэнсис ожидал от меня нападения, поэтому подобрался и внимательно следил за всеми моими движениями, и когда я только наметил удар, он сместился. А в следующую секунду схватился обеими руками за лицо и заверещал как свинья на бойне. Я даже не успел затормозить и моя нога впечаталась в его голень. Так и держась за лицо он свалился на пол, и только сейчас я увидел, как по его ладоням стекает кровь.

Перевел взгляд на Эмму, о присутствии которой мы оба забыли, и увидел перекошенное от ненависти лицо девушки, а ее нежная рука с нанизанными на пальцы изящными кольцами сжимала окровавленную ножку от бокала.

От всепоглощающего чувства потрясения, меня спас забежавший в наш закуток Перри Мэтьюз. На ходу он достал из кармана носовой платок, вытащил им из рук сестры остатки бокала, и бросил их поближе к скулящему на полу мафиози.

– Несчастный случай, – сообщил он вбежавшим следом официанту и парочке наиболее любопытных гостей.

– Боже мой, что произошло?!

– Порезался бокалом от шампанского. Позовите кто-нибудь врача! – хладнокровию Мэтьюза можно было позавидовать.

– Как он так умудрился? Он его грыз что ли? – посыпались недоуменные вопросы.

– Эмма, милая, тебе не нужно на это смотреть, пошли отсюда, – он мягко взял сестру за руку, словно не она все это натворила, и повел на выход. Белокурая красавица вновь стала похожа на ангела, только теперь потерянного.

В отличие от невозмутимого адвоката, я был поражен случившимся и все никак не мог решить, что мне делать дальше, оставаться и отвечать на назойливые вопросы или свалить по-быстрому. Инстинкт самосохранения склонился ко второму варианту и я поспешил вслед за Мэтьюзами. В конце концов, надо было разобраться, что за хрень сейчас произошла. С чего вдруг ангел обратился в демоницу.

Нанятый мною на вечер лимузин нас дождался и отвез к адвокату, который с сестрой занимал просторную квартиру на третьем этаже доходного дома.

– Вколосил ей снотворного, – Перри вернулся в гостиную минут через пятнадцать, где я надирался виски. – Что произошло? – потребовал он ответа, остановившись возле окна и нервно прикуривая сигарету. Оказавшись дома, он позволил себе немного расслабиться и стал похож на обычного человека со слабостями.

Я рассказал и поделился своими мыслями насчет причастности Чарльза Френсиса к мафии.

– Какого черты ты приперся к нам с этим гребанным приглашением?! – сжав кулаки, он метнулся ко мне. Лучше бы он и дальше оставался в хладнокровном режиме, а так пришлось вскакивать с кресла. Перри остановился в шаге от меня, но кричать не перестал. – Это ты во всем виноват!

– Ты сам согласился принять приглашение, – напомнил я ему.

– А что мне еще оставалось делать?! Она перестала есть. Лежала в своей комнате и смотрела в потолок!

– Мог бы предупредить, что у твоей сестры проблемы с психикой, – как мне казалось справедливо заметил я. Других объяснений для такой агрессии я не видел.

– У нее нет никаких проблем! – вцепился он в лацканы моего фрака. – Пока ты не появился, все было отлично!

Я стряхнул его руки и направился к выходу.

– Подожди! Надо решить как действовать будем, – остановил он меня уже ровным голосом. – Раз ты говоришь, что этот Фрэнсис мафиози, значит в полицию не побежит, сам будет с нами разбираться. Это с одной стороны облегчает нам жизнь, хоть по судам ходить не придется. С другой – резко осложняет, я бы даже сказал, угрожает ей. – Он впал в задумчивость. Я ему не мешал поскольку сам был занят поиском выхода их задницы, в которой оказался.

В итоге, мы с утра приехали в Бруклин, на Брайтон-Бич.

Пока это место не стало прибежищем для эмигрантов из Советского союза, сейчас это обычный неблагополучный район Нью Йорка. Времена, когда Брайтон-Бич являлся фешенебельным курортом для богатых европейцев давно прошли, от былой роскоши остались лишь ошметки: купальни, ванны, стремительно ветшающие павильоны и раздевалки. Сейчас здесь царил грязь, бедность и криминальные банды всех мастей: национальные, расовые и молодежные.

Здание, которое облюбовало себе под офис агентство Тимоти Спаркса, вполне вписывалось в окружающий пейзаж: немые окна, с паутиной и дохлыми мухами между рамами, облупившаяся вывеска, скрипучие полы.

– Какого хрена ты притащил меня в эту дыру? – оставлять здесь свой Корвет совершенно не хотелось. Угонят или обнесут.

– Это агентство моего хорошего знакомого, я тебе об этом уже говорил, – через губу процедил Перри.

Понимания между нами так и не возникло. Каждый винил во вчерашнем кошмаре другого. Наш совместный поход был ничем иным, как вынужденное сотрудничество перед лицом общего врага.

– Не ссы, ничего с твоей малышкой не случится, тачки клиентов Спаркса не трогают, – разгадал он мои страхи.

Мы зашли в здание и прошли мимо рабочих столов, за которыми сидели более десятка мужиков. К моему удивлению их внешний вид диссонировал с местом их пребывания. Все подтянутые, чисто выбритые, в отлично сидящих костюмах.

Мой адвокат без стука открыл дверь с табличкой. «Тимоти Спаркс, директор детективного агентства», на которой внизу от руки было добавлено «и самый большой говнюк в Бруклине».

– Пэрри Мэтьюз, я же тебе сказал, когда мы виделись в последний раз, что при следующей встрече отстрелю тебе яйца! – громогласно объявил хозяин кабинета, ещё не старый и очень крепкий на вид мужчина с шикарной шевелюрой седых волос. Одет он был в неброский серый костюм с белой рубашкой, пиджак небрежно висел на спинке стула, довершала образ плечевая кобура.

– Я по делу, Тимоти, по очень важному делу, – в отличие от хозяина кабинета Пэрри вел себя сдержанно.

– У меня тоже есть важное дело Пэрри, выбить из тебя всё твоё техасское дерьмо за то, что ты сделал с Тиффани! – Плюя на проблемы потенциального клиента, продолжал гнуть свою линию Спаркс. – Эй парень, – это уже мне, – если у тебя есть сестра, пусть она держится подальше от этого хьюстонского засранца, он большой любитель вскружить невинной девушке голову, затащить в постель, а потом свалить в закат, оставив ту с разбитым сердцем!

– Это все, конечно, очень интересно, но мы пришли к вам по делу, – попытался я придать разговору деловой тон.

– Где ты откопал этого зануду?!

– Тимоти, успокойся, я прекрасно знаю, что Тиффани давно замужем за Эдом Салливаном, агентом по торговле недвижимостью из Филадельфии, а ты точно также знаешь, что это я их познакомил. Так что хватит орать, старый хрен, мне нужна твоя помощь.

– Ну, ладно, – мгновенно остыл Спаркс, – если ты пришёл ко мне и говоришь, что тебе нужна помощь, значит дело серьезное, – он встал из-за стола, выглянул из кабинета и крикнул в приемную, – миссис Робинсон, принесите выпить мне и двум моим гостям!

Когда вернулся в свое кресло, Спаркс печально поделился:

– В последнее время не держу бухло в кабинете, слишком много поводов, чтобы выпить.

– Это да, ты всегда был любителем заложить за воротник, – отреагировал на признание приятеля Пэрри и, не смущаясь, убрал с одного из кресел для посетителей большую кипу из папок, газет и разрозненных документов, после чего переложил ее на пол, только эта поверхность в кабинете была относительно свободной.

– Не стесняйся, Фрэнк, присаживайся, – сказал он мне, указывая на точно такое-же заваленное бумагами кресло.

– Да, приятель, скинь весь этот хлам на пол и садись, – подтвердил мне Спаркс и переключился на адвоката. – Итак Мэтьюз, что заставило тебя прийти ко мне? И, кстати, я не передумал тебе кое-что отстрелить, пока просто отложил. И представь уже нас наконец.

– Тимоти, это Фрэнк Уилсон, мой клиент. Фрэнк, это Тимоти Спаркс – один из лучших частных детективов, что я знаю, и самое главное он не задаёт лишних вопросов, а его ребята очень профессиональны.

На презентацию я ответил сдержанным кивком. Пока увиденное здесь оптимизма не внушало.

В это время дверь распахнулась и в кабинет вошла благообразная старушка, которой было место скорее в церковном хоре, а не в этом бедламе. В руках она держала поднос с тремя стаканами, чашкой с кубиками льда и бутылкой виски.

– О, Пэрри, – явно обрадовалась встрече старушка, – как я рада тебя видеть! Ка дела? Как Эмма?

– Я тоже рад вас видеть миссис Робинсон, – Пэрри поднялся с кресла и когда старушка поставила поднос они даже обнялись. – Всё хорошо, спасибо.

– Ну все, хватит пустых разговоров, – прервал их Спаркс. – Давай, Пэрри, рассказывай, с чем пришёл.

– Значит так, – спустя десять минут, приступил к озвучиваю плана действий владелец детективного агентства. – Твоей сестре нужно покинуть город, а еще лучше штат. Разумеется, в сопровождении моих людей. – Вам мистер Уилсон, – после того как я перешёл из разряда знакомых Пэрри в потенциальные клиенты Спаркс сразу-же сменил манеру обращения, вместо панибратского «эй парень» стало уважительное «мистер Уилсон», – лучше тоже уехать.

– Да без проблем, у меня как раз возникли дела в Европе.

– Вот и прекрасно, до вашего вылета за вами присмотрит парочка моих ребят. Не переживайте они профессионалы, будут всё время рядом, а вы их даже не увидите. Ваш дом и завод мы тоже возьмем под охрану. У меня полтора десятка детективов с лицензиями на оружие, проблем не будет.

– По прилету из Европы мне тоже будет нужна охрана, – заметил я.

– Само собой, это даже не обсуждается. Пока мы всё не выясним и не устраним опасность с вами постоянно будут мои люди.

– Хорошо мистер Спаркс, что насчет цены на ваши услуги?

– Давайте посчитаем, – плотоядно улыбнулся хозяин детективного агентства. – Двое с вами, еще парочка наблюдает за домом и четверо за заводом. Это только охранники, плюс еще те, кто будет заниматься расследованием. Думаю, человека четыре на ваше дело бросить. Услуги моих парней стоят десять долларов в час. Плюс моя комиссия, двадцать пять процентов.

– Хм, не дешево. За месяц набегает приличная сумма.

– Что поделатъ, или вы платите или сами подставляете задницу под пули. Но не переживайте, плата только за чистое время которое мы тратим на вашу охрану и на расследование. Так что, по рукам?

В аэропорт я уже ехал в сопровождении двух детективов, которые держались за моим Корветом через две машины. В таком же порядке мы съездили в Мидлтаун, где я переоделся, собрал чемодан, предупредил об отъезде пани Марту, по телефону дал распоряжения мистеру Осборну насчёт завода. И уже скоро я буду в небе над Атлантикой.

Глава 4

– Уважаемые пассажиры, говорит капитан. Наш самолёт произвел посадку в международном аэропорту Рима. За бортом солнечно, пятьдесят четыре градуса по фаренгейту, – вот же американцы, в Италии метрическая система, а не этот цирк с футами, фунтами и фаренгейтами, но капитан, с кондовым именем Джон Смит, упорно использует имперскую систему, и мне приходится переводить на более привычные двенадцать градусов по Цельсию. – От лица экипажа и Trans World Airlines выражаю вам благодарность за то, что воспользовались услугами нашей авиакомпании.

Динамик замолк и через пару секунд стюардессы, как на подбор, фигуристые красотки в идеально подогнанной униформе, пригласили всех на выход.

Спустившись с трапа одним из первых, так как был пассажиром первого класса, я стал с интересом рассматривать Lockheed L-1049 Super Constellation, ведь на винтовых пассажирских самолетах я еще не летал. В Нью-Йорке из-за нервозности предшествующей перелету было не до этого, так хоть сейчас, пока набивается пассажирский автобус, утолю свое любопытство.

– Мистер, – поторопил увлекшегося меня служащий аэропорта.

Пора было ехать в Рим.

По первоначальному плану я должен был сразу лететь в Неаполь, откуда намного ближе добираться до Реджо ди Калабрия, но в аэропорту Нью-Йорка выяснилось, что в это время гражданские самолеты в Неаполь еще не летали.

Поэтому снова здравствуй Вечный Город.

– Синьор, услуги носильщика, всего пять лир!

– Сам справлюсь, спасибо, – вежливо отшил я вертлявого парня, который бросился мне наперерез на выходе из терминала. Говорил он на отвратительном английском, усиливая понимание попыткой вырвать из моих рук чемодан.

К моему удивлению парень не унялся. Он кружил вокруг меня словно гигантская муха, что-то назойливо жужжа на итальянском и норовя завладеть моим багажом.

– Да отвали ты от меня, извращенец хренов! – не удержался я, когда он вознамерился войти со мной в туалет.

Из-за этого прилипали пришлось закрываться в кабинке вместе с чемоданом, писсуар с его открытыми границами стал для нас обоих небезопасным.

– Мистер, мистер, – на выходе из туалета меня окликнул уже другой парень. Этот выглядел и говорил как англичанин. И одет достаточно прилично, единственное, имел неряшливый вид. Серый плащ, видно, что из дорогой ткани, костюм, белая рубашка с уже загрязнившимся воротником и распушенный галстук. Дополняли образ запыхавшиеся ботинки, смятая в кулаке шляпа и как минимум трехдневная щетина.

– Да, приятель, – откликнулся я, не тормозя, но белозубо улыбаясь.

– Вы ведь американец, верно? Ведь верно, мистер? – просительно выпрашивал он о моей национальности.

– Да, ты угадал, – прямо мастер дедукции, когда на табло прилёта только рейсы из Нью-Йорка, Стамбула и Алжира, а на турка или араба я никак не походил.

– О, слава Богу! – радостно воскликнул он. – Разрешите представиться, Гленн Миллер, – он неуклюже помялся, а потом выпалил. – Мистер мне очень неловко, но могу я вас попросить о помощи?

– Да, конечно, Гленн, чем могу помочь? – участливо поинтересовался я.

– Дело в том, что я прилетел в этот чёртов Рим, чтоб его, пару дней назад. А мой багаж нет.

– Да, неприятная ситуация, – покивал я головой.

– Всё бы ничего, но я, когда собирался, перепутал сумки и бумажник с деньгами и дорожными чеками положил их не в ручную кладь, а в багаж. Билет и паспорт сунул в карман плаща, а бумажник в багаж, – повторил он для лучшего усвоения мною информации. – Представьте мой ужас, когда я не обнаружил бумажника в самолёте!

– Не завидую тебе, приятель. И куда же улетел твой багаж с деньгами? Если ты еще здесь, значит твоё барахло или осталось дома, или улетело куда-то не туда?

– Мои вещи в Лондоне, мистер. И я бы хотел вас попросить...

– Ни слова больше, я всё понял, – перебил я его. – Следуй за мной!

Сказав это, я окинул взглядом зал аэропорта и, увидев искомое, уверенным шагом направился в сторону информационных стоек.

– Здравствуйте, мисс, – одарил я призывной улыбкой девушку, сидевшую под вывеской Trans World Airlines, – моему приятелю нужна ваша помощь.

Затем я хлопнул нечаянного знакомого по плечу и со словами «Гленн, здесь тебе точно помогут», направился к выходу.

У самых дверей, я все же не удержался и обернулся. Как и предполагал, мошенника у стойки уже не было. Увидел я его возле очередной жертвы. Не такой недоверчивой, как я, так как жертва полезла за бумажником в карман.

В этот раз «Гленну Миллеру» попался отзывчивый американец, который не смог не прийти на помощь другому англосаксу, хоть и с Острова. Ну а как тут устоять, когда липовый растяпа говорит с английским акцентом и так старательно заглядывает тебе в глаза, и стеснительно улыбается, а ты не из двадцать первого века, и все еще видишь в людях хорошее. Так что развод для этого времени не такой уж и примитивный.

– Такси! Синьор, такси! – на улице меня ожидала очередная напасть из нескольких агрессивно настроенных мужиков. Итальянские таксисты конкурировали за клиента с большим накалом эмоций и запредельной жестикуляцией, при этом старались вцепиться в мой чемодан.

– Держите вора! Полиция! – мимо нас пронеслась парочка. Первым бежал мой несостоявшийся носильщик, а за ним тучный американец, прилетевший тем же самолетом, что и я.

Помогать соотечественнику у меня желания не возникло, поэтому выбрав самого пожилого из таксистов, вдруг тоже бегать придется, я велел ему везти меня к автомобилю.

– Ambasciatori Palace, – озвучил я название отеля, того же, где останавливался в прошлый свой приезд.

Был вечер, и я решил провести ночь в отеле, а с утра уже отправляться в дальнейший путь. И если бы не данное послу Манлио Брозио обещание, я бы рванул на Север, а затем в Швейцарию, но раз попал на слово, то приходилось тащиться на юг.

– Синьор, вы едете не в ту сторону, – предупредил я таксиста-телепата, вознамерившегося вместо центральной части города увезти меня куда-то на Север. Хоть по-итальянски я не говорил, но понять, что означает дорожный указатель «Milano» вполне мог.

Итальянец улыбаясь, начал забалтывать меня на своем птичьем языке, но маршрут, увидев мою зверскую рожу, поменял.

Как ожидалось, возле отеля он заломил тройную цену и яростно отстаивал свою правоту. Устав ругаться, я послал его по-русски не менее экспрессивно, чем он меня крыл на итальянском, и не дав сверху счетчика ни лиры покинул такси, где меня прикрыл от разъяренного итальянского жулика своими габаритами швейцар.

В общем, в этот раз Рим полностью оправдал свою репутацию, буквально за какой-то час меня попытались надуть трижды. Даже странно что во время прошлого своего прилёта я не столкнулся с особенностями местного менталитета. И вот она расплата – сегодняшний день с лихвой перекрыл это упущение.

С такими мыслями я оставил вещи в номере и заказал себе ужин в ресторане на первом этаже. После отличной лазаньи, салата и парочки бутылок местного пива, очень так себе, если честно, моя пивоварня даст ему сто очков форы, я принял душ и с удовольствием растянулся на мягкой кровати.

Усталость после перелета дала о себе знать и мне даже не помешали заснуть очень эмоциональные соседи, которые сперва громко выясняли отношения, а затем еще громче страстно мирились.

С утра, отлично выспавшись, сразу после позднего завтрака я поехал в прокат, выбирать себе тачку для поездки на Юг.

Фиаты, фиаты и еще раз фиаты. Множество разных моделей на любой вкус. Ну и люксовые тачки, типа той же Феррари, которую я водил в мой первый прилёт в Италию.

Но теперь я акционер Альфа Ромео, а значит будет странно выбрать машину конкурирующей марки. Да и раз выпала такая возможность, то нужно проверить как чувствует себя водитель за рулем машины сошедшей с конвейера моего завода. Да, моего, я же американец, а согласно американскому мышлению, раз акции мои, то и завод мой.

– Signore, sei americano? – подскочил ко мне сотрудник фирмы по прокату.

– Американо, американо, – признался я.

– Un momento, signore, – пообещал уладить языковую проблему продавец.

И буквально через минуту передо мной материализовался другой менеджер и на сносном английском меня поприветствовал:

– Добрый день мистер...

– Уилсон, Фрэнк Уилсон, – представился я.

– Мне зовут Джанни. Я правильно понимаю, что вам нужна машина? – спрашивая, он окинул меня оценивающим взглядом, задержался на золотом зажиме для галстука, часах и запонках. – У нас для вас есть отличный выбор – новеньких Феррари, уверен, что машины этой марки вас полностью устроят.

– Э, нет, приятель. Хочется чего-то другого. Феррари я уже опробовал.

– Тогда, – парень быстро переключился, – хочу вам предложить Fiat 8V Vignale Coupe. V – образная двухлитровая восьмерка, двухдверное купе. У нас есть машины нескольких расцветок.

– У вас есть Альфа Ромео? – перебил я его презентацию Фиата.

– Альфа Ромео? – было видно, что продавец удивлён. Но, молодец, быстро нашёлся. – Да, конечно, у нас есть отличные Альфа-Ромео!

– Вот и прекрасно, мне нужна максимально свежая и мощная машина. И именно Альфа-Ромео.

– Я вас понял!

Действительно понял. Мы зашли в ряд машин с характерным эмблемой на капоте – круглый щит, красный крест, зелёная змея и надпись в верхней части – Alfa Romeo.

– Вот, – Джанни положил руку на капот автомобиля максимально скучного белого цвета, – Alfa Romeo Giulietta. Совсем новая, мы её получили с завода в начале месяца. Рядная четверка с двумя клапанами на цилиндр, объемом в 1,3 литра и пятиреступенчатая коробка передач. Простите мистер Уилсон, – было видно, что Джанни реально заинтересован в моем ответе. – Вам действительно нужна эта машина? Дело в том, что машина новая, но назвать её мощной у меня язык не повернется.

– Да, приятель мне нужна именно она, – заверил я оказавшегося на удивление честным менеджера. – Давай не будем терять моё и твоё время и оформим все бумаги по-быстрому, мне нужно ехать.

Хоть менеджер и пытался ускорить процесс, но подписание бумаг и проверка автомобиля заняли время, так что прокат я покинул уже около трех часов пополудни.

Да уж, эта машина точно не для американского рынка. Нет, у неё полно достоинств, она хорошо рулится, габариты такие, что можно припарковаться практически где угодно, шумоизоляция, можно сказать, отличная, отделка салона на очень хорошем уровне, материалы качественные и всё сделано добротно, сиденья удобные.

Но блин, она не едет!

В городе еще нормально, на улицах не нужна мощность, здесь важнее маневренность, но стоило мне выехать из Рима на трассу, как вся «прелесть»дохлого мотора дала о себе знать. На прямом как стрела американском хайвее где-нибудь между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско хрен ты кого обгонишь, когда у тебя под капотом жалкие 1,3. Америка не Европа, у нас сейчас царит философия «К черту экономию топлива» и правят бал многолитровые движки. Засмеют водителя Альфы, как пить дать засмеют. Время думать об экономии топлива и выбросах CO₂ в атмосферу еще не пришло, полвека до этого гринписовского мракобесия.

Нет, с точки зрения моей языческой эко-френдли секты, кстати надо уже напомнить им о себе, я же не просто так этого пацана засунул в Гарвард, Альфа Ромео – идеальная машина. Но мне же нужно делать бабки, а не заботиться о том, чем следующее поколение американцев будет дышать.

Поэтому Альфа Ромео должна измениться. Больше цилиндров, больше объём, больше лошадок под капотом, больше скорости и агрессии.

Иначе Джону или Крису мои машины будут не интересны. Они даже не посмотрят в сторону европейской диковинки и предпочтут очередную поделку мистера Генри Форда второго или его конкурентов из Дженерал Моторс. Так что мне нужна совсем другая машина – машина для американцев.

А еще мне нужно, чтобы моя марка ассоциировалась с победами. Альфа Ромео должна всех рвать на гонках. 24 часа Лимана, Формула один, Дайтона, Наскар.

Машины с красным крестом и зелёной змеей должны доминировать на гоночных трассах. Это поднимет продажи, а значит и стоимость акций. А если они будут нести на себе еще и символику Американ Табакко то я убью двух зайцев. Сразу два актива в моём инвестиционном портфеле будут расти в цене. Крутые тачки и крутые сигареты – отличное сочетание. Не зря же на Феррари красного барона, Михаэля Шумахера, можно было прочесть Marlboro.

К слову о гонках. Впереди за убитым грузовичком я увидел древний родстер, которому было лет двадцать, если не больше. Понятно, что моя Джульетта не создана для гонок, но уж этого довоенного дедушку она способна обогнать?

Чтобы проверить я добавил газа, переключился на четвертую, дождался момента и обогнал сначала грузовик, а потом и родстер, за рулём которого сидел молодой мужчина постарше меня. Ладно Капулетти, хоть я и раскрутил мотор до максимальных оборотов для этого обгона, но ты не совсем безнадежна, кое-что можешь. Грузовичок и родстер скрылись за поворотом.

Но я рано радовался, грузовик в гонку не ввязался, а вот легковушка очень быстро меня догнала, задел я, видимо, ее водителя за живое.

– Ну ладно, парень, погоняем, – пообещал я своему нежданному сопернику и утопил педаль газа.

Дорога передо мной петляла и была полна встречных машин. И это единственное, что останавливало моего соперника от немедленного обгона. Этот сукин сын висел у меня на хвосте как приклеенный! Вот блин! На моих Корвете и Понтиаке я бы от него ушёл, сто процентов, а на Альфа Ромео, я хоть и жал на полную, но оторваться не мог и то, когда он меня обгонит – лишь вопрос времени.

Вот он и дождался момента. Во встречном потоке появился просвет и не слезающий с моего хвоста родстер сначала поравнялся со мной, а затем ушел вперед. Его водитель напоследок показал мне большой палец, развернув его вниз. Вот засранец! Римлянин хренов.

Я рассмеялся и прекратил гонку. Больше насиловать двигатель моей тачки смысла не было, и я сбросил скорость до вполне обычных девяноста километров в час.

В спокойном темпе я проехал пару километров и за очередным поворотом увидел по своей стороне дороги большой заасфальтированный карман. Несмотря на вечер и наступающую темноту я оценил живописность места. Отсюда открывался шикарный вид на реку, поля вдалеке и красочный закат.

В кармане стояли две машины – седан и в нескольких десятках метров от него родстер, который меня недавно обогнал, а также потрепанный километрами дорог и временем мотоцикл с люлькой.

Но сейчас было не до разглядывания автохлама. Водитель родстера, тот самый молодой мужчина, повеселивший меня императорским жестом, дрался сразу с тремя парнями.

Пришлось тормозить. И сделал я это прицельно, слегка задев капотом одного из напавших на моего бывшего соперника. Пока все отвлеклись на неожиданную угрозу, водитель родстера удачно приложил по физиономии второго нападавшего, и тот упал как подкошенный.

В этом времени пока нет ремней безопасности, не успела моя новинка уйти в массы, поэтому я выскочил из машины сразу, как поставил на нейтралку.

На улице меня уже ждал тот, который чуть не оказался под моими колесами. Он вскочил с четверенок и вытащил из кармана нож.

– Эй, щенок, – на вид парню было лет семнадцать не больше, – брось свою железку! Бросай, кому говорю!

Тщетно. Тот явно не понимал английский. Глаза злые и какие-то сумасшедшие. Издав что-то наподобие боевого клича, он прыгнул на меня, чиркнув по воздуху лезвием. Я едва успел увернуться, а он по инерции пронесся мимо меня. Вот сучонок! Этот пиджак стоит больше чем металлолом, на котором ты с приятелями сюда приехал!

Мой ответный удар кулаком прилетел ему аккурат в затылок. Хорошо, что у меня на правой руке золотой перстень, безделушка придала удару увесистости, а затем я еще и добавил хороший такой пинок по худосочной заднице местного карбонария.

От моего завершающего удара итальяшка выронил нож и как следует пропахал мордой асфальт. В два прыжка я оказался рядом и хотел уже добавить каблуком правого ботинка по почкам или голове, но остановился. Все-таки мой противник, хоть и кинулся на меня с ножом, но был по сути малолеткой. Поэтому я удовлетворился тем, что забрал его оружие.

Пока я разбирался с этим малолетним говнюком, водитель родстера закончил с оставшимися двоими. Один из них скулил, скрючившись и держась за свое самое ценное место. Второй просто лежал в отрубе и не шевелился. А чуть в стороне из седана вылезал еще один парень, почему-то путаясь в собственных штанах.

– Это еще что за стриптиз? – удивленно уставился я на него.

В ответ тот заговорил на итальянском, но я разобрал лишь Grazie – слова благодарности. Поняв, что он не из банды малолеток и нападать на меня не собирается, я подошел к своей тачке и вытащил из бардачка пачку Лаки Страйк. Адреналин залил тело по самую макушку и меня изрядно потряхивало. Сигарету я выкурил в три затяжки, и тут же достал новую.

Водитель родстера всё это время стоял в паре метров от меня согнувшись, было видно, что досталось ему изрядно. Наконец он смог выпрямиться и, шатаясь, подошел ко мне.

– Американец? – услышал я южноамериканский акцент.

– Фрэнк Уилсон, – протянул я ему руку.

– Кэрролл Шелби, – ответил он на рукопожатие. – Спасибо что помог, Фрэнк.

– А кто этот тип, у которого проблемы со штанами? – все же задал я занимающий меня вопрос.

Кэрролл усмехнулся и тут же скривился от боли.

– Да это влюбленная парочка. Остановились здесь на закат полюбоваться, только штаны оба успели спустить, как грабители объявились, – разъяснил он мне непонятное, и в этот момент из седана выскочила девушка. Она подбежала к своему наконец-то застегнувшему ширинку бойфренду и разревелась у него на груди.

– Полицию, наверно, надо вызвать, – задумчиво предложил я.

– Нет, не надо полицию! – именно так я перевел слова итальянца, который подбежал к нам, высвободившись из объятий своей подружки.

– Эти трое могут клану принадлежать. Потом проблем не оберемся, – кивнув в сторону поверженных противников, подтвердил опасения итальянца Кэрролл. – Поехали лучше отсюда, остановимся в каком-нибудь баре, пропустим по стаканчику.

Предложение меня заинтересовало, сейчас оно было как никогда кстати.

Глава 5

– Интересная у тебя машина, Кэрролл.

Мы добрались до ближайшего городка с непроницаемым для неитальянца названием Санто-Стефано-ди-Рольяно. Аутентичное провинциальное захолустье с домами покрытыми рыжей черепицей и кривыми узкими улочками, и сейчас разминали суставы возле своих автомобилей, припаркованных между небольшой гостиницей и баром, который завлекал путников вывеской с подсветкой.

– Это Alfa Romeo 8С в кузове родстер, настоящая легенда, – охотно просветил меня мой новый знакомый. – На такой три раза побеждали в Ле-Мане. До того как мы надрали фрицам задницы, конечно.

Выглядел и говорил Кэрролл как типичный американец и фамилия Шелби казалось мне знакомой. Что-то мне подсказывало, что я знаю этого парня с курчавыми черными волосами и крупными, даже отчасти грубоватыми чертами лица.

И пазл сложился: Шэлби, 24-часа Ле-Мана, спортивные машины. Точно!

Получается, что я только что познакомился с самой настоящей легендой американского автоспорта, то есть, будущей легендой. Кэрролл Шэлби – первый американец победивший в Ле-Мане, основатель знаменитой фирмы по автотюнингу и фактический создатель Shelby Cobra и Ford GT-40, первой американской машины победившей всё в том же Ле-Мане и ставшей такой же легендой, как и сам Кэрролл.

Вот это, Фрэнк, удача! Любит тебя капризная Богиня Фортуна. Ведь буквально перед нашей с Шэлби встречей, я думал о гонках и том, кто может сделать для меня гоночный автомобиль, который молодые американцы будут хотеть, как свою девушку, а может даже сильнее. Только подумал и на тебе! Решение всех моих проблем – мистер Кэрролл Шелби собственной персоной.

Мне лишь осталось придумать как заманить его в свои сети.

Мы зашли в бар, где сейчас было занято всего несколько столиков, еще парочка аборигенов сидела у барной стойки. К ней мы и подошли. Бармен, сразу же поняв кто стоит перед ним, спросил нас на ломаном английском, что нам налить. Как настоящие американцы мы заказали сразу по два шота виски и когда управились с ними Кэрролл сам продолжил разговор.

– Хочу тебе сказать, Фрэнк, что Альфа Ромео для американца – странный выбор. Мы любим мощные и быстрые машины, а не такие как твоя Джульетта. Не обижайся, но это ведро на колесах. Ferrari, Fiat V8 или на крайний случай Maserati A6, я бы в Италии ездил на чем-то подобном.

– Но вместо них ездешь на довоенном родстере от Альфа Ромео, – подколот я его.

– Я – это другое дело, – важно заявил Кэрролл, заказав нам еще по шоту. – Я же гонщик, Фрэнк. Монца, 12 часов Себринга, 24 часа Ле-Мана. Слышал о об этом?

– Конечно, особенно мне по нраву Ле-Ман. 24 часа по проселку и редким прямым, на которых вы давите на все деньги. Дождь, туман или наоборот пыль из-под колес. Кто-то обязательно загорится или перевернется, устроив затор на трассе – прелесть, а не гонка. Но мне это нравится больше, чем наши сплошные повороты налево в Наскаре.

– Хмм, звучит как будто ты и сам увлекаешься гонками, – было видно, что я удивил Кэрролла. – Ты описал всё достаточно точно.

Еще бы я не описал. В свое время я был и на гонках в Ле-Мане, и на флоридской Дайтоне, и на этапах формулы один с Индикаром.

– Есть такое дело. Европейские гоночные серии мне нравятся больше чем наши. Но кроме любительского интереса у меня с недавних пор появился еще и профессиональный, – я решил взять быка за рога и не откладывать дело в долгий ящик.

– Что ты имеешь в виду? – недоуменно спросил меня Кэрролл.

– Видишь ли, приятель, с недавних пор я совладелец Альфа Ромео, именно поэтому я на этом, как ты выразился, ведре на колесах. И мне не нравится, что сейчас выпускает мой завод. А глядя на твою машину мне вдвойне обиднее. Раньше делали шедевры, как твой родстер, а теперь ведра на колесах.

– Надо же, – не знал, что ответить на мои откровения Шелби, и я сменил тему, поняв, что торопиться и делать все одним днем нельзя.

– Кстати, если не секрет, а как ты тут оказался?

– А ты? – ухмыляясь, задал он встречный вопрос.

– Еду в Реджо ди Калабрия по приглашению мэра, – ответил я и вкратце рассказал историю про прогулку на яхте и находку у берегов Италии древнегреческих статуй. Нужно же было заинтересовать своей неординарной личностью такого полезного для меня человека. Пусть знает, что со мной не только можно смело ввязаться в драку, но и о гонках поговорить и даже об археологии.

Шелби ожидаемо восхитился и моими приключениями, и плюшками, которые я получил.

– А я еду к своему напарнику по бывшей команде Полю, – пришла его очередь откровенничать. – Сам-то он бельгиец, но снял домик на юге Сицилии на пару месяцев и пригласил меня погостить недельку. Машина кстати его, он для меня её оставил в Риме.

– Неделя на Сицилии – это хорошо, но лучше две, а еще лучше три, – с видом знатока сказал я.

– Согласен, но надо готовиться к Себрингу, я там буду выступать на Ferrari в марте.

– Я тоже собирался на эту гонку, правда, как зритель, – я мысленно включил это мероприятие в свое расписание. – Может быть увидимся там.

– Было бы здорово! – отозвался на мое предложение Кэрролл. – После гонки обязательно пропустим по стаканчику!

Отлично. Значит зацепил я его. Теперь надо к марту придумать чем я смогу его заинтересовать, и дело в шляпе.

Разошлись по машинам мы с Шелби практически друзьями, и оба покатали в Реджо ди Калабрия, раз выяснилось, что нам в одну сторону. Только я останусь в городе, а Кэрролл на пароме переплывет на остров.

Дорога заняла два часа и в отель я заселился глубокой ночью. Вырубил меня сразу и тут сквозь сон я услышал противный звон.

– Синьор, Уилсон?! – настырная телефонная трель все же заставила меня протянуть руку к прикроватной тумбочке и снять трубку.

– Чего надо? – не особо дружелюбно ответил я разбудившему меня абоненту.

– Простите, что побеспокоил, – продолжил скороговоркой невидимый итальянец на плохом английском, – но вы неправильно припарковались и заблокировали машину одной из наших постоялиц. Вы не могли бы спуститься и отогнать ваш автомобиль? Или передайте ключи от него нашему сотруднику, и тогда он перепаркует.

– Нормально я припарковался. Сами понаставят свои ведра на колесах где ни попадя, а потом меня будят. Хреновый у вас отель, а не фешенебельный, – дал я выход своему раздражению.

– Еще раз прошу прощения, но дело очень срочное! – настойчиво-заискивающим тоном уговаривал меня портье.

– А сколько времени? – спросил я у него, так как сам его определить затруднялся – голова от подушки не отрывалась, а окна были плотно зашторены.

– Одиннадцать часов, десять минут, сеньор, – услужливо просветил меня итальянец.

– Сейчас спущусь, – пообещал я и положил трубку. С выполнением вышли сложности – тело желало спать. Мне даже показалось, что оно вышло из-под моего контроля и бразды правления перехватил, дождавшийся-таки своего шанса Фрэнк.

Резкий рывок и вот я уже сижу на кровати.

– Выкуси! – с облегчением позлорадствовал я.

Разумеется, сразу выходить из номера я не стал. Сперва открыл окно и выпустил свежий морской воздух, зашел в санузел, долго отливал, затем умылся и почистил зубы, чтобы от меня не несло перегаром. Взъерошил рукой волосы и признал прическу приемлемой для утреннего променада. Вернувшись в комнату, натянул на себя штаны с носками. Рубашка провоняла потом, и я ее отбросил в сторону, порезанный вчерашним малолетним гопником пиджак скинул на пол. Залез в чемодан, который оставил при вселении прямо посреди прохода, и вытащил из него хлопковый джемпер. Затем пришел черед ботинок и куртки. И вот я уже для быстроты спускаюсь по лестнице с третьего этажа на первый.

Вдоль парковки вышагивала, туда-обратно, чем-то недовольная синьорина. Остановившись возле моего Альфа Ромео, она пнула его по колесу, сопровождая это действие итальянскими ругательствами. Была она, скорее, стройна, чем фигуристка, о таких говорят – изящная. Одеты изысканно: светлый-голубой плащ, длиною до колена явно из последней коллекции, высокие сапожки, подчеркивали стройность ее ножек, в руках светлая сумочка.

– Синьорина, осторожнее, не сломайте себе ничего, – озаботился я целостностью этой хрупкой красоты.

На мой голос девушка резко развернулась.

– Так это ты?! – воскликнула она, в удивлении изогнув брови.

– Привет, тебе идет новая прическа, – похвалил я ее каре.

– То есть это из-за тебя я уже час тут слоняюсь?! – комплемент ее не смягчил.

– Почему час? Минут двадцать от силы, – поправил я Вайлетт, поскольку часы в холле показывали одиннадцать тридцать.

– Так это твое корыто? – она вновь попинала носком сапога по колесу, утратив интерес к теме времени.

– Ага, арендовал в Риме, – не стал я реагировать на оскорбление своего транспортного средства.

– А почему Альфа Ромео, а не Фиат?! – предъявила она мне.

– А почему нет?

– Потому что Аньелли – это Фиат!

– Так ты и едешь на Фиате, – кивнул я на заблокированный мной ночью автомобиль Fiat V8 Vignale Cjуре цвета морской волны. – А я не Аньелли, я Уилсон. Фрэнк Брайн Уилсон третий, если ты забыла, поэтому ездю на чем хочу. Кстати, при первой нашей встрече ты, кажется, была на Феррари, – напомнил я ей набогвидный эпизод ее биографии.

– Тогда я возвращалась домой, и могла это делать на чем угодно, хоть на поезде, хоть на рейсовом автобусе, это было мое личное дело. А сейчас мы приглашены на официальное мероприятие! Ты же на него сюда приехал?

– На него, – подтвердил я и не стал спорить на счет приемлемой марки автомобиля. Вместо этого, шагнул к девушке и заключил ее в свои объятия.

– Как я по тебе соскучился, – от моего признания Вайлетт сомлела, гневные искорки из глаз развеялись, губы приоткрылись. – Ты хоть и стерва, но такая понятная. – Зря я это, конечно, сказал вслух. Видимо, сказался стресс, который я совсем недавно пережил в Нью-Йорке, когда стал свидетелем превращения ангела в демона. К тому же не выспался.

– Стерва?! – меня грубо оттолкнули и попытались ударить дамской сумочкой. Еле увернулся. – Понятная?! – уход вправо. – Ты считаешь, что во мне, как в женщине нет загадки?! – уход влево.

– Вайлетт, ты меня не так поняла, я хотел сказать, что ты идеальна, – уверял я разъяренную девушку, маневрируя.

– Синьор! Синьорина! – нас бросились разнимать швейцар с портье. Первый за нашей бурной встречей наблюдал с самого начала, и когда началась горячая фаза, позвал своего патрона. – Стоит ли устраивать скандал из-за такой мелочи?

– Мелочи?! – Вайлетт едва не задохнулась от возмущения.

– Позвольте мы сами переставим ваши машины! – портье втиснулся между нами и оказался на линии огня вместо меня.

– Я сам отгоню, – воспользовался я случаем и нырнул в Джульетту.

– Стой! Мы еще не договорили! – брошенные мне вслед слова только подстегнули мой побег.

И опять я участвую в гонке. Но если вчера меня гнал по трассе азарт, то сегодня заставлял влиять по узким городским улицам инстинкт самосохранения.

Сразу вспомнилось, что из Реджо ди Калабрия курсирует паром до Сицилии и захотелось оказаться в порту. Но путаные улицы города вместо набережной завели меня в тупик.

Затормозив, я выскочил из машины и быстрым шагом, словно вот-вот от голода копыта отброшу, зашел в семейный ресторан, что удачно подвернулся мне в качестве места, где можно отсидеться.

– Сеньор, рад вас видеть! – подскочил ко мне, судя по немолодому возрасту и фартуку хозяин сего заведения. – Вы предпочитаете обедать в зале или на террасе? – Говорил он на итальянском, но понять его было несложно. – Alici, Maccarruni i'casa, Frittole, Maccarruni i'casa, – посыпались названия блюд, и я чуть слюной не захлебнулся.

– Дорогая, ты присоединишься? – заступил я за один из столов, используя его как преграду, когда в зал ворвалась запыхавшаяся фурия.

Вайлетт явно хотела ответить мне чем-то запоминающимся, но ранние посетители, официант и сам хозяин ресторана, что взирали на девушку в наряде за десятки тысяч лир с восхищением, как на богиню, заскочившую по ошибке в средней паршивости храм, заставили ее улыбнуться.

– Конечно, милый, – процедила она.

Хозяин семейного ресторана, упиваясь важностью момента, ловко отодвинул меня от драгоценного тела богатой северянки и сам выдвинул для нее стул, сам же принял заказ и сервировал нам столик.

– Значит это правда, что ты снюхался с Ромео, – констатировала Вайлетт.

– Ну и формулировки у тебя, – поморщился я. – Или на Севере так принято называть деловые отношения? Какой-то местный сленг?

– Ты отдал им свои патенты! – упрекнула она меня. – Но почему им, а не мне?!

– Ты, если забыла, в нашу последнюю встречу изволила бутылкой в меня запустить и велела держаться от тебя подальше.

– О, Дева Мария, – закатила она глаза, показывая несущественность моей отмазки. – Я тебе одолжение сделала – излечила от алкоголизма! И вот она благодарность – ты помогаешь нашим конкурентам! Или это ты так мне мстишь за разрыв? Хочешь, чтобы Фиат разорился?! – нашла она для себя причину моего сотрудничества с Ромео. Женская логика – она по-настоящему пугает.

– Ой, ладно, не прибедряйся. Твоему Фиату моя страна по плану Маршалла кредитов надавала, так что не обеднеет. Наоборот, ваши дела в гору идут, что нельзя было сказать

об Альфа Ромео, из-за чего цена их акций была более привлекательнее ваших, – сделал я упор на финансовую составляющую.

– Какой же ты все-таки американец! – скривилась от брезгливости Вайлетт. – Выгода для тебя превыше всего!

– А вы итальянцы – святые бессребреники, – усмехнулся я.

– Мы живем сердцем!

– Ага, столько сердечный твоих соотечественников вчера по пути сюда встретил, чуть багажа и всех денег не лишился, особенно запомнились душевная итальянская молодежь, с которой я познакомился на трассе.

– Ты что снимал девок на трассе? – поморщилась Вайлетт, по-своему интерпретировав мои слова.

– Парней.

Девушка вытаращила на меня глаза.

– Значит правду говорят, что англосаксы те еще извращенцы.

– Еще какие, – подтвердил я.

– Да ты надо мной издеваешься! – Вайлетт прищурилась и этот ее боевой прищур ничего сердечного мне не обещал.

– Ты сама всякие глупости придумываешь.

– Я тебе сейчас тарелку с макаронами на голову надену, – пообещала она.

– Тогда я тебя на приеме при всех за задницу ущипну, – пожалел я свои макароны с мясным соусом.

– Что?! – девушка часто заморгала. – Ты решил разрушить мою репутацию? – Вайлетт резко встала, чуть не опрокинув стол. – Держись от меня подальше, чертов янки! Плебей! – обкатив меня на прощание ледяным презрением, она гордо удалилась. Заплатить за себя в голову ей, конечно, не пришлось. В мелодраматичный сюжет скучная проза жизни не вписывалась.

Вернувшись в отель, я, пока не забыл, отдал горничной свой фрак, чтобы та приготовила его на вечер, а сам завалился досыпать. Проснулся уже в три часа и спустился на первый этаж в ресторан при отеле.

Официант настойчиво уговаривал попробовать только что выловленные в море анчоусы, пожаренные в оливковом масле, но я не особо люблю рыбу, поэтому выбрал тушеный говяжий язык и почки, а также заказал запеченные сыром и помидорами баклажаны. И все это мне предстояло запивать Moscato di Saracena. Как меня заверили, это эксклюзивное местное вино, аналогу которому нет нигде в мире, подают к столу Папы Римского.

– Синьор Уилсон? – пока я вкушал принесенные мне блюда, ко мне незаметно подобрался один из посетителей ресторана. Он был в хорошем костюме, имел приличные часы среднего ценового диапазона, с чисто выбритым лицом, на котором все казалось жило своей жизнью: губы радостно улыбались, лоб морщился, словно его обладатель пребывал в глубокой задумчивости, а темного цвета глаза из-за опущенных век казались печальными.

– Тонино Морияди, – представился человек с неординарной внешностью и отличным английским произношением. – Я, как и вы, приглашен на сегодняшний прием в Национальный музей Великой Греции, – сообщил он мне, обозначив существующую между нами двоими связь. После чего, как предполагалось, отказать в его просьбе я уже не смогу. – Вы не могли бы уделить мне пятнадцать минут для приватного разговора? В отеле есть специальная комната для переговоров.

– Нет, не могу, – он же не знал, что я сегодня зол и совершенно не расположен к незапланированным переговорам. – Говорите, что у вас ко мне прямо здесь или я вас более не задерживаю.

– Американцы такие прямолинейные, – ничуть не обидевшись, сеньор Морияди вновь улыбнулся одними губами. – Хорошо, вот только если нас кто-нибудь случайно подслушает, это может помешать нашим дальнейшим планам.

О как, у нас с этим типом уже совместные планы наметились.

Я вновь плеснул себе вина, с интересом рассматривая усевшегося на свободный стул за моим столом итальянца.

– Синьор Уилсон, вы слышали об Энее?

– Кто это? – пожал я плечами.

– Предок основателей Рима – Ромула и Рема.

– По-моему они от волчицы произошли. Так это он ее, того? – включился я в исторический диспут.

– Волчица не была матерью близнецов! – опешил от моих познаний итальянец. – Она была их кормилицей!

– Ладно, с этим разобрались, – согласился я с его версией. – Что дальше?

– Эней – легендарная личность и в то же время личность историческая. Он действительно жил в двенадцатом веке до нашей эры, принадлежал роду дарданов, как и царь Трои Приам. А когда Троя была разрушена он с остатками дружины ушел на Апеннинский полуостров. И здесь находится его гробница, – в этом месте синьор Морияди приглушил голос. – Я нашел упоминание о месте захоронения Энея!

– Да вы что?! – не менее восторженно прошептал я.

– Информацию о местонахождении гробницы я ни за что не продам, – неожиданно заявил он. – Я сам хочу участвовать в раскопках и получить толику славы от находки. Как археолог, вы должны меня понять.

– Как археолог археолога – понимаю, – важно кивнул я. – Но зачем тогда вы мне об этом рассказали?

– Дело в том, что для раскопок нужны деньги, – смущенно произнес итальянец. – И мне не остается ничего другого как взять в дело партнера. И я выбрал вас! – обрадовал он меня. – Я навел о вас справки и выяснил, что вы богаты и, главное, увлекаетесь археологией.

– У меня для вас есть предложение получше! – пришла моя очередь радовать синьора Морияди. – В этом отеле остановилась представительница семьи Аньелли, которая будучи из патрициев как раз ведет свой род от Энея. Уверен, она как никто загорится желанием найти останки своего легендарного предка. А вот, кстати, и она! – я словно фокусник взмахнул рукой в сторону входа в ресторан, где как раз показалась Вайлетт.

Она была в строгом брючном костюме, словно знала, что ей предстоит деловые переговоры.

Не обращая внимание на кислое выражение лица девушки, которое она состроила при виде меня, я представил ей тоже не особо радостного сеньора Морияди, и убедившись, что контакт между ними налажился, то есть они оба приняли тот факт, что поговорить им друг с другом все же придется, удалился.

Глава 6

– Синьорина Аньелли, карета подана, – я распахнул перед Вайлетт дверцу своего Альфа Ромео.

Девушка была восхитительна: платье в пол, меха, драгоценности и затмевающее все вокруг сияние сапфировых глаз.

Увидев ее выходящую из отеля, я позабыл обо всем на свете, даже о том, что мне уже дважды за сегодняшний день было велено держаться от этой Богини как можно дальше, и поспешил навязаться в сопровождающие.

– На этом своем корыте горничных катая, – елейно процедила моя прелесть.

Тот шлепок по заднице, свидетельницей которого случайно стала Вайлетт, вот приспичило ей именно в тот момент проходить мимо моего номера и заглядывать в него, был всего лишь вариацией чаевых за приготовленный фрак. Но ей ведь не объяснишь.

– Если желаешь, могу отвезти тебя в Палаццо-Пьячентини на твоём зеленом недоразумении, – я любезно кивнул на её припаркованный Фиат.

– Я уже наняла на этот вечер извозчика, – отшила меня моя стервочка.

Подтверждая её слова к крыльцу подкатил чёрный Fiat 2800 и из него вышел разодетый в костюм и белоснежную сорочку водитель-негр с европейскими чертами лица. Он распахнул перед Вайлетт дверцу, и девушка изящно впорхнула в салон.

– Какая экспрессия! – восхитился я. Девушка явно была ко мне равнодушна. В прищур проводив отъезжающую машину, я запрыгнул в свою Джульетту и покатил следом.

Площадь De Nava, возле Палаццо-Пьячентини, в котором размещался национальный музей Великой Греции и был организован банкет, была заставлена автотранспортом гостей, но я смог, благо габариты малолитражки позволяли, протиснуться в небольшой просвет, тем самым опередив чёрный Фиат. Так что возле ступеней я оказался первым.

– Синьорина Аньелли, позвольте вашу руку, – я взглядом тормознул водителя-негра и сам помог Вайлетт покинуть автомобиль.

Как я и рассчитывал, ей пришлось уступить, ведь на нас смотрели другие приглашенные. Так, продолжая всем улыбаться, мы и вошли внутрь здания.

– Синьорина Аньелли! – радостно закричал импозантный мужчина с усами Хэндлбар с закручивающимися вверх кончиками и двинулся через зал к нам на встречу.

Как и в Нью-Йорке здесь мероприятие тоже решили провести среди экспонатов, но в этот раз центральное место занимали уже две выловленные мною в море бронзовые статуи воинов.

– Синьор Марино, как я рада вас видеть, – Вайлетт облобызала мужика в обе щеки как старого знакомого.

– А вы Фрэнк Уилсон! – глядя на меня уверенно заявил мэр Реджо ди Калабрия. Кто это такой я понял, как только прозвучала его фамилия.

– Рад знакомству, сеньор Марино, – поручкался я с ним.

– Господа! – мэр развернулся вполоборота к остальной публике. – Позвольте представить вам тех, благодаря которым наш город получил сразу две исторические ценности! Это Фрэнк Брайан Уилсон третий, археолог-любитель из США и Виалетта Аньелли – советник министра культуры Италии!

Перевела мне все это Вайлетт, удивив меня неожиданной амнистией. Но когда дослушал последнее предложение понял, что она просто хвастается передо мной.

– Ты что советник? – с недоверием переспросил я. Не слишком ли она молода для такой неслабой должности? Или принадлежность к семье Аньелли сметает все препоны? Но в этот раз я свои мысли благополучно не озвучил и Вайлетт расщедрилась на дальнейший перевод.

А далее синьор Марино минут пятнадцать вещал о нашем неопенимом вкладе в науку, о повышении статуса городского музея, об увеличении потока туристов благодаря новым экспонатам, повышении благосостояния горожан и закончил это все вручением мне, под шквал аплодисментов, вставленного в рамочку документа, согласно которому я отныне являюсь почетным гражданином Реджо ди Калабрия.

– Grazie! Я безмерно счастлив! – заверил я всех на итало-английском, после чего мне пришлось жать много рук и принимать поздравления.

Наконец, официальная часть закончилась и все, распавшись на кучки, принялись болтать и накачиваться спиртными напитками, которые на подносах разносили официанты.

– Позвольте вам представить местную знаменитость – Никодемо Спатари – известный художник, скульптор, архитектор и искусствовед! – мэр презентовал нам с Вайлетт молодого мужчину. Лет двадцати пяти, высокий, смуглый с пронзительными карими глазами и волнистой шевелюрой.

– Ни такой уж я и известный, – смущенно опровергла это заявление местная знаменитость.

– Скоро прославишься на всю Европу, – заверил всех синьор Марино и отошел к другим гостям.

– Синьор Спатари, вы правда и художник, и скульптор, и архитектор? – захлопала своими гигантскими ресницами Вайлетт.

– И искусствовед, – дополнил пропущенное местная знаменитость и тут же проявил скромность. – Можно просто Ник. – Вы расскажите мне как нашли эти статуи? – обращался он исключительно к девушке, но из вежливости к американскому гостю делал это на английском.

– С удовольствием! – пообещала Вайлетт и приступила к пересказу летних событий, разумеется, в их официальной версии.

– И какие ваши дальнейшие планы, синьора Аньелли? – после бурных восхищений удачливостью охотницы за древностями поинтересовался Спатари.

– О! Сейчас мы занимаемся организацией новой экспедиции, будем искать место захоронения Энея! – поделилась радостью Вайлетт.

– Ты это серьезно? – опешил я.

– Конечно серьезно! – девушка нахмурилась, словно нашла мое восклицание обидным. – И я обязательно ее найду! – приняла она вызов, который я ей совершенно не бросал.

– Вайлетт, этот Морияди – мошенник, – я попытался достучаться до ее разума. Кстати, что-то не видно его на Вечере, а ведь он утверждал, что сюда приглашен.

– Ты просто злишься из-за того, что тебя не пригласили участвовать в раскопках!

– Да Морияди мне первому предложил стать его компаньоном.

– Но потом появилась я и он предпочел иметь дела с Аньелли! – с апломбом нашла объяснение всему Вайлетт. – Поэтому ты и злой на него! Но это не повод говорить о человеке гадости! Ник, вы не могли бы представить меня вон той даме в черном платье? Кажется, я видела ее в нашем министерстве, – девушка демонстративно переключилась на Спатари.

Мне тоже не позволили остаться в одиночестве, как только место возле меня освободилось я тут же был окружен дамами, вырваться из цепких ручек которых смог только спустя полчаса.

– А где Вайлетт? – я огляделся, но среди гостей девушки не оказалось. Как и Ника Спатари. Это совпадение неожиданно стало для меня неприятным. Но я не начал в себе копать, просто отбросил странное чувство и пошел к выходу в надежде застать Вайлетт на улице. Может не заметил, как она распрощалась с мэром и поехала в отель?

Они стояли в самом низу лестницы и неотрывно смотрели друг другу в глаза. Парень наклонился и что-то прошептал девушке на ушко, та рассмеялась и отступила на шаг, игриво погрозила Нику пальчиком, вновь рассмеялась и легкой походкой направилась к ожидающе-

муся ее автомобилю. Водитель-негр услужливо ждал ее приближения с открытой пассажирской дверцей.

Спатари глядя ей вслед улыбался. Ужасно захотелось подкорректировать ему выражение лица. Но не успел. Парень слишком быстро сел в свое авто и выехал с площади вслед за черным Фиатом.

В груди все скрутило.

– Фрэнк, опять ты свои яркие чувства на меня проецируешь? – зло предъявил я рецепиенту. Тот не отозвался, и я к своему удивлению понял, что дело во мне. Это мое сердце сейчас щемило от боли.

Возле Альфа Ромео я оказался в два шага, неведомая сила понесла меня за беглецами, а когда понял, что машина Вайлетт свернула не к отелю, вцепился в руль еще сильнее.

Мы гуськом проехали пару улиц, а дальше автомобиль Спатари неожиданно сошел с дистанции, юркнул в переулок и там исчез. И тут же мой воспаленный мозг родил этому объяснение – итальянский козел решил обогнать сеньориту Аньелли и как следует подготовиться ко встрече. Зажечь свечи, раскидать лепестки роз, открыть шампанское, может даже нанять небольшой оркестр.

Я зарычал, представив Спатари поющего серенаду под окнами моей девушки – именно ею я начал считать Вайлетт.

Догнать этого козла уже не получалось, пока я предавался горьким мыслям, Спартати сумел скрыться в темноте. Ладно, набью ему морду чуть позже. Сейчас задача номер один – неверную не упустить.

Очень быстро старый, но всё еще очень добротный выглядевший Фиат выехал из города и начал петлять по узкой дороге постепенно поднимаясь всё выше в горы. Я старался не отстать и в тоже время держаться на достаточном удалении от преследуемой машины, чтобы не вызвать подозрений.

В какой-то момент Фиат исчез, вместо него впереди раскинулась крошечная темнота. Из-за боязни, что упустил, я увеличил скорость и сразу увидел спуск, в конце которого в рассеянном свете фар виднелись старые деревянные ворота. Сейчас они были распахнуты и на одной из покосившихся створок висела полустертая вывеска. Зуб даю, на ней предостережение о том, что и эта дорога, и территория вокруг частная и посторонних тут совсем не ждут.

Права частной собственности для американца, конечно, священны, но засуньте их себе куда поглубже. Так что, раскурив сигарету, я въехал в ворота и оказался на старой разбитой колесами грузовиков и тракторов грунтовке.

Странное место для свидания выбрал этот Спатари. Как-то не похоже на подъезд к вилле или хотя бы уютному сельском домику. На ферму они что ли едут?

С этого странного художника станет пригласить туринскую красотку туда, где можно будет предаться любви на фоне пасторальной итальянской природы. Мне, конечно, сложно представить Вайлетт в стогу сена и в окружении коров или гусей, но чем черт не шутит. Люди искусства они все со странностями. Да и саму сеньориту Аньелли могло потянуть на деревенскую экзотику. Ключула же она в свое время на американского увальня.

Водитель Фиата или ехал по этой дороге не впервые, или совсем не берег свою машину, поэтому я прилично так отстал. Мне приходилось притормаживать перед каждой ямой и поворотом, которые возникали в свете моих фар. К тому же небо сильно потемнело и начал накрапывать дождь, мелкие капли стучали по крыше и попадали на лобовое стекло.

В результате, если сначала я еще видел вдалеке отсвет фар Фиата в те моменты, когда он совершал повороты, то очень скоро остался в полнейшей темноте, посреди разбитой дороги. Первоначальный запал у меня уже пропал, и теперь я чувствовал себя совершенно глупо.

– Федя, какого хрена ты творишь? – воззвал я сам к себе и остановил машину. Приоткрыл окно и вновь закурил. – Ну застанешь ты эту сладкую парочку слипшимися и что? Окей,

набьешь ему морду, ее шлюхой обзовешь, и тебе, что полегчает? Сомневаюсь. Скорее, станет намного хуже. Так может лучше не знать наверняка? Пусть она так и остается для тебя прекрасной итальянкой. В памяти. Ты же все равно не собирался делать ей предложение. Ну и чего тогда тебя колбасит от ревности? Давай, разворачивайся и возвращайся в отель.

Но вместо этого рационального действия, я вышвырнул сигарету и вновь устремился вперед. Понимал, что поступаю глупо и будет больно, но остановиться не мог. Продолжал ехать по этому уродскому проселку, который мог бы дать фору любой разбитой дороге в российской глубинке.

Хорошо хоть на моём пути больше не попадалось развилок, не хватало только заблудиться и свернуть не туда, зато дорожных препятствий было хоть отбавляй. Пару раз чуть не навернулся, еле смог проехать между огромными ямами. В результате дорога привела меня еще к одним воротам. Таким же старым и заброшенным, но намного более основательным. Толстые деревянные воротины висели на ржавых железных петлях, прикрепленных к двум облупившимся кирпичным столбам. Как и первые ворота эти тоже были распахнуты настежь.

Я вышел из автомобиля и осмотрелся. С обеих сторон от меня в темноту уходила такая же старая и заброшенная, как и ворота изгородь, в которой зияли проплешины.

По обеим сторонам от дороги возвышались какие-то постройки, их назначение в ночи было не разобрать, видимая половинка луны лишь высвечивала старый трактор без колес.

Ехать на машине дальше я не решился. Как-то странно будет заявиться на чужое свидание при всем параде. Всё-равно что нацепить на себя новогоднюю гирлянду и взять в руки громкоговоритель: вот он мол я, встречайте. А я еще до конца не решил, что буду делать, когда застану эту парочку тета-тет. Надо оставить себе место для маневра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.